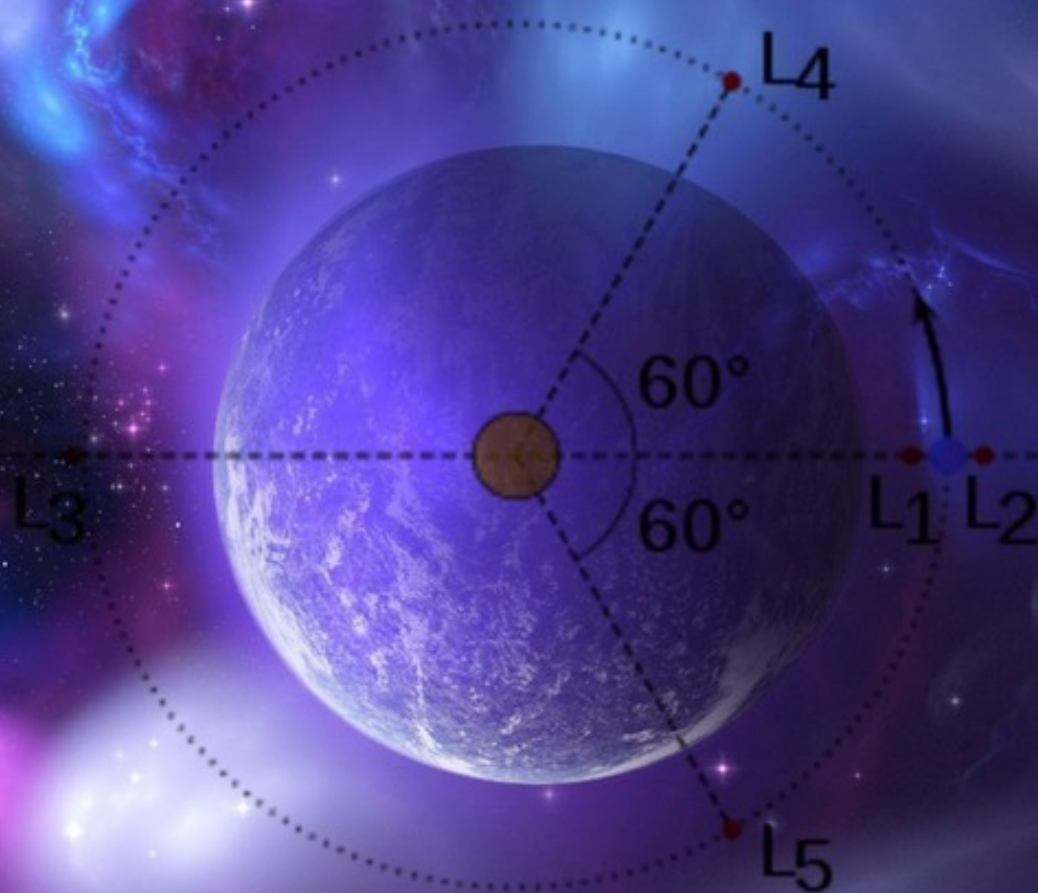

ЖИЛИЩЕ СТРАХА

ВЯЧЕСЛАВ ТИМОНИН

Вячеслав Тимонин

Жилище страха

«Издательские решения»

Тимонин В. П.

Жилище страха / В. П. Тимонин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934711-4

Сборник рассказов писателя-фантаста В. Тимонина заинтересует всех поклонников боевой и космической НФ. Полные опасностей миры, непостижимые и коварные создания, таинственные порождения хитросплетений пространственно-временного континуума бросают вызов отважным героям этой книги. Если вам не страшен холод космической тьмы, и вы не боитесь затеряться в другом измерении, окунитесь в невероятные приключения вместе с ними. Кошки занимают немаловажное место в историях, рассказанных автором.

ISBN 978-5-44-934711-4

© Тимонин В. П.
© Издательские решения

Содержание

Жилище страха	6
А ещё они мерцают	13
Бабуля	28
Бизнес, ничего более	31
Близкие люди	33
Вызываю огонь на тебя	35
Гайди	46
Девушка из сна	49
Записки с Валерии. Дорога на запад	52
Жаркое лето Орфеи	59
Зеркало сомнений	61
Кармалгур	64
Когда погаснет свет	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Жилище страха

Вячеслав Петрович Тимонин

© Вячеслав Петрович Тимонин, 2018

ISBN 978-5-4493-4711-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жилище страха

– Большой, – говорит Тина, ловко перебирает тонкими пальцами по кнопкам пульта управления, и компьютер послушно увеличивает изображение заброшенного корабля. На экране мерно вращается вытянутая гантель метров сто длиной. Тип, класс, порт приписки – компьютер не может определить ничего, даже системной принадлежности.

– Да, всяко больше нашего будет, – говорю. – Надеюсь, и побогаче. Подойди ближе.

Тина легонько прикасается к ручке контроля ионной тяги, и я чувствую тошноту. Это плохо! Значит, генераторы гравитации шалят, и неровен час, полетят ко всем чертям. Печальная перспектива быть размазанным по переборкам тонким слоем заставляет меня задуматься о капитальном ремонте. В очередной раз.

Но где вольному торговцу разжиться немалой суммой и не преступить закон?

Правильно! Негде. Остаётся мародёрствовать и грабить мёртвые корабли. Надеюсь, этот ещё не обчистили до нас, и мы сорвём солидный куш.

Посудины такого типа, как на экране, мне раньше не встречались. Судя по номеру «НС-17-78» на сером борту, можно утверждать, что построили её земляне, и это всё. Ну а кто ещё? За почти трёхсотлетнюю историю космической экспансии никто так и не встретил кого-нибудь схожего по уровню развития с хомо-сапиенс. Хотя сейчас всё чаще шутят: хомо-хоумлес. Человек бездомный. И правда, слишком много всякого неприкаянного сброда шатается по галактике. Скоро она вся превратится в помойку. Как и Земля когда-то.

И я шатаюсь, но мой дом – «Антара», небольшой грузовик класса Т-300. Таких уже лет сто не выпускают, но роднее у меня никого нет, и плевать, что разваливается на ходу.

– Капитан, похоже, к транспорту пристыкован ещё один корабль, – говорит Тина, и тычет пальцем в экран. – И тоже без признаков жизни.

– Неужели мы не первые?

В глубине души затаиваю обиду, но надежду не теряю.

Дистанция между кораблями сокращается, мы подходим к длинному грязно-серому куску человеческого гения, перемальвающему пустоту. Тина выравнивает угловые скорости, вращение останавливается. «Антара» неуклюже примаскивается к утолщению в центральной части чужака и вытягивает стыковочный хобот.

– Внимание! Три... Два... – Тина закусывает острый язычок, – стыковка!

«Антара» вздрагивает и замирает, гул двигательной установки стихает.

– Тина, а где «один» потерялся? – в шутку хмурится Горм, – нарушаешь инструкцию, жёнушка?

– Больно тебе это надо?! – тоже в шутку огрызается Тина, а когда Горм безрассудно поворачивается спиной, пытается пнуть его ботинком.

В последний момент великан уходит в сторону и оказывается у Тины за спиной. Обнимает здоровенными лапищами и шепчет в ухо:

– По-моему, ты заслуживаешь хорошей порки!

– Возвращайся с подарками... и тогда я подумаю!

Я морщусь и демонстративно сплёвываю под ноги:

– Хорош, народ! Тошно уже от ваших лобызаний! Горм, вали в шлюз переодеваться, и Николаса разбуди по дороге.

Горм громко чмокает Тину в ухо (она айкает) и, лыбясь, заявляет:

– Слушаюсь, капитан!

Я качаю головой, проверяю заряд любимого «СМ-Глот». Перед уходом говорю Тине:

– Скажи доктору Брауну, чтобы собирал чемоданчик. Мало ли кто умудрился на транспорте выжить... Или на другом корабле.

– Ходовые огни погашены, сигнала бедствия нет. Вряд ли! Они давно заброшены... Без энергии долго не протянешь, сам знаешь! – она щурится, – ну хорошо, запущу дрон в круговой облёт.

Через десять минут наша группа стоит у выходного люка. Здоровяк Горм вооружён тяжёлым разрядником, рыжий Николас автоматом, Марита – наш спец по компам – навороченным запястником с кучей программ, я – сомнением.

– Шлюзование... – доносится голос Тины из шлемофона. – Готово. Топайте.

– Окей, – говорю, – мы выходим.

С шипением тяжёлая плита уходит вбок. По очереди, цокая магнитными подковками, мы переходим в транспортный коридор. Пять метров невесомости, и мы у входного люка чужого корабля.

Марита останавливается позади нас. Выглядит она растерянной. Я вижу за стеклом шлема её большие чёрные глаза, смотрящие в никуда.

Окликаю:

– Марита.

Не слышит, она словно не здесь.

Подхожу, дотрагиваюсь до плеча.

– Марита, а я и не знал, что ты силой мысли умеешь открывать люки.

Она вздрагивает, что-то бормочет на дрянной смеси испанского и универа:

– *la vivienda de los miedos...* (*жилище страхов*)

– Опять ты со своей тарабарщиной?

– Простите, капитан. Мне что-то показалось... Я... Я мигом!

И правда, не проходит и минуты, как она открывает входной шлюз, подключившись к внешнему компьютерному порту. В сером корпусе чужака образуется тёмный провал. Ветер, поднявшийся из-за разности давлений, выбрасывает мусор изнутри.

Первым на борт ступает Николас. Его задача, чтобы не было неожиданных «сюрпризов», которые могли оставить другие мародёры. Луч его фонаря беспорядочно мечется в темноте, Николас пытается засечь возможного врага.

Через минуту он говорит:

– Чисто! Если тут и был кто-то, то очень давно.

Командую:

– Входим.

Подключается Тина.

– В атмосфере мало кислорода, но он пригоден для дыхания. Опасных примесей и микроорганизмов нет. Там можно жить.

– Ясно, но лучше побудем в скафандрах.

Мы проходим шлюзовую камеру, затворяем люк. Останавливаемся в небольшом отсеке, полном шкафчиков со скафандрами. Впереди Х-образный перекрёсток. В стороны расходятся коридоры, ведущие в рубку и на корму. Впереди люк второго шлюза, за ним неизвестный корабль. Недалеко от меня лифт на верхнюю палубу. Но от него толку мало, он обесточен.

Выхожу на связь:

– Нет питания. Горм, глянь лестницу наверх.

– Ща.

– Марита, попробуй врубиться в локальную сеть.

– *Sí capitán.*

Мы с Николасом встаём в проёмах. Я смотрю в сторону рубки, пытаюсь что-нибудь разглядеть в темноте, он – на корму. Обычно ближе к носовой части располагаются каюты экипажа и пассажиров, но мой луч выхватывает из мрака лишь ящики и контейнеры. Трюм.

– Тут не пройти, плотный завал, – сообщает результаты осмотра своей стороны Николас.

– Принято. Видимо, вся нижняя палуба грузовая. Если кто-то и остался в живых, то искать его нужно на верхней.

Горм плавно «спрыгивает» с металлической лестницы, ведущей к люку в потолке:

– Путь вверх закрыт, механизм заблокирован с той стороны, – сообщает он и пожимает плечами, хотя в скафандре это выглядит глупо.

Марита бормочет непонятные ругательства, потом произносит:

– Не могу подключиться. Нет энергии.

И правда, в коридоре и шлюзе не горит ни одной лампочки, даже сигнальной. Получается, что питание отключено везде, кроме входного шлюза. На корабле достаточно тепло, судя по датчикам скафандра, градусов пятнадцать, значит с обшивкой порядок...

Я вызываю «Антару»:

– Тина, приём.

– Слушаю?

– Корабль обесточен. Мы идём в рубку, попробуем запуститься оттуда. Судя по всему, это колониальный транспорт, вся нижняя палуба завалена грузом, который с охотой и без лишних вопросов купят на Внешних Кольцах.

– Отличная новость, капитан! Я как раз хотела сказать, что наш генератор...

– Потом, Тина! Я помню, ты предупреждала меня о необходимости ремонта.

– Да. И ты меня послал. Грубо оборвал, как и сейчас...

– Тина, пили мозг своему мужу. Сейчас нам пора.

Коммуникатор обиженно щёлкает.

Я делаю знак рукой, показывая в проём, ведущий на нос корабля. Николас устремляется внутрь, я иду следом, затем Марита. Горм прикрывает тыл.

Коридор длинный, метров сорок в длину. Мы проходим мимо ящиков, наваленных вдоль бортов и редких поперечных переборок. Они закреплены пластиковой сеткой с крупными ячейками, чтобы не сорвались и не пробили обшивку во время манёвров. В одном месте сетка не выдержала и порвалась, в воздухе хаотично висят брикеты размером с кирпич.

Николас берёт один, восклицает:

– Ого, да это же сублимат рацион!

– Ага, толковая вещь! – подтверждает Горм. – И тут десятки ящиков!

Я переключаю коммуникатор:

– Тина, слышишь, мы нашли протеиновые пайки, считай новый генератор у нас в кармане...

Она негромко хихикает, и даже, наверное, потирает руки, но я не вижу.

Советует в ответ:

– Гляньте там, может, что ещё интересное есть!

– Ох, без сопливых... – бурчит Горм.

Николас продирается сквозь брикеты. Они разлетаются, сталкиваются друг с другом, ящиками, переборками, и порождают дикий хаос.

Неожиданно я замечаю что-то среди них.

Будто тень нависает над ящиками. Гораздо более тёмная и вещественная, чем окружающий холодный воздух, она дрожит и мажется. Что-то там расправляет пятиметровые крылья, похожие на рваные лохмотья, и делает взмах.

В голове шумит, я жмурюсь, мотаю головой, чтобы сбросить наваждение. И подсознательно хватаюсь за рукоять «Глота».

– Капитан?! Всё в порядке? – удивляется Горм.

Открываю глаза, силюсь снова разглядеть живую тьму. Но понимаю, что это всего лишь игра воображения.

– Да так... – бормочу. – Показалось.

* * *

– Яма, яма, я-я-ма-а, – Горм кривляется, изображая из себя шамана, вызывающего дождь. Марита реанимирует компьютер корабля.

За мгновение до того, как вспыхивают оранжевые плафоны системы резервного освещения, Горм умудряется нечеловеческим голосом заорать «Да будет свет!» и хлопнуть в ладоши. Выходит эффектно!

Ровный гул, стрекот просыпающейся аппаратуры и разноцветное перемигивание индикаторов наполняет рубку.

Помещение небольшое. Три кожаных кресла расположены треугольником, консоли плавно отекают их, оставляя узкие проходы вдоль переборок. Небольшой предбанник, утыканный контрольными щитами, усыпанными мириадами индикаторов, сейчас потухших.

Следов поспешного бегства нет. Словно экипаж спокойно выключил аппаратуру, покинул личные вещи в рюкзаки и свалил.

Хмыкаю недоумённо. Спрашиваю Мариту:

– Ну, что там?

– Всё очень странно, капитан. Бортовой компьютер исправен, но кроме низкоуровневых программ, типа контроля датчиков и остальной машинерией, ничего нет. Нет судового журнала. Нет списков экипажа, пассажиров, груза. Нет маршрутных карт. Да и карт-то самих тоже... Вообще ничего! Словно корабль только что со стапелей вышел!

– Чё? Корабль призрак, типа... – морщится Горм. – Вот, блин!

Ну призрак и призрак, мало ли таких кораблей болтается в космосе. Значит, им не повезло. А нам – да. Повезло!

– Да плевать, свет есть – уже хорошо! Легче таскать ящики в трюме. Топай туда, взгляни ещё раз, что там ценного. Мы с Николасом пройдемся по жилым каютам, а ты, Марика, останься тут, может, выудишь чего из компа.

– Ладно, пойду поворошу, – говорит Горм и подходит ближе. Мне хорошо видно, как он хитро лыбится за стеклом запотевшего шлема. – Капитан, вы это, ну... Если вдруг симпатичное, что-то встретите... Прихватите.

Я понимаю, к чему он клонит.

– Для Тины?

– Ага.

– Ладно...

Махнув на прощание Марите, расходимся.

Подхожу к пассажирскому салону. Над притолокой надпись на нескольких языках: «Пассажирский салон». Я жму кнопку, дверь, не торопясь, уходит в переборку. Освещение моргает и, кажется, начинает светить тусклее. Внутри осторожно входит Николас и приседает, внимательно изучая помещение. Он боец старой закалки, я мысленно себя хвалю, что принял его в команду. Для вольных торговцев край как полезно держать под рукой надёжного человека.

Я захожу следом. Опять длинный коридор, полутёмный и узкий. По обе стороны множество дверей, и как оказывается потом, некоторые распахнуты. На палубе валяется мусор, вещи и одежда пассажиров. Здесь было столпотворение и давка. Будем надеяться, что все они просто улетели. Сели в спасательные шлюпки и свалили, оставив нам свой груз.

Пристально осматривая каюты и беспардонно ковыряясь в чужих вещах, мы доходим почти до конца салона. Улов, считай, нулевой. На этом корабле действительно летели колонисты, люди бедные, продавшие всё за билет в новую жизнь.

Я выхожу на связь с «Антарой».

– Тина, приём!

- Наконец-то! – заявляет она, в её голосе паника. – Вы куда все пропали?
- В смысле?.. – я немного ошарашен. – Ты чего такая взволнованная? Случилось чего?
- Случилось! Я не могу до Горма докричаться!
- Он должен быть в трюме. Не парься, может быть, у него передатчик барахлит.
- Я волнуюсь.
- Успокойся! Мы скоро закончим здесь наверху и спустимся вниз. Как дела на «Антаре»?
- Я закончила осмотр корабля... Ну того, второго.
- И?
- Странный он, я ничего подобного никогда не видела!
- Не томи.

Чтобы не терять время, я продолжаю идти в нескольких шагах позади Николаса. Он продолжает ворошить вещи в каютах. Пассажиры побросали всё, даже самое необходимое. Очень странно, даже при экстренной эвакуации так не бывает.

Тина тем временем продолжает:

– Капитан, пусть я буду выглядеть совсем душой, но это явно неземной корабль. Не человеческий!

– Да? – я не особо удивляюсь, Тина, как и все женщины, склонна к сантиментам. Встретить первым другую расу, освоившую межзвёздные перелёты, мечтает каждый. Кроме меня.

– Да! – огрызается Тина, забыв о Горме, – Он непропорциональный, обшивка странная, я не нашла сопел двигателей, и...

– Секретная разработка...

– Нет-нет! Он другой! Я увидела огромную дыру у него в обшивке и перед тем, как сдох дрон, обратила внимание на внутреннюю структуру. Это было похоже... на соты!

– Тина, ты разбила дрон?!

– Нет! Да. Он сам. Я...

Договорить она не успевает. На секунду тухнет свет, а затем в наушниках раздаётся дикий вопль. Долгий, захлёбывающийся. В нём отражается столько боли и отчаянья, что у меня волосы встают дыбом!

– Кто кричал? – спрашиваю.

Николас стоит передо мной, значит, не он.

В эфире раздаётся плаксивое причитание, похожее на хныканье мальчика-подростка.

Да что за чертовщина? Кто это? Кто-то из выживших? Как он влез на нашу частоту?

– О господи! – восклицает Тина. – Кажется, это же Горм!

Не может быть! Здоровяк не может так (!) плакать.

– Горм, ответь! – прошу я.

– Какого чёрта, идём! – встречает Николас.

Мы срываемся с места и неуклюже устремляемся обратно к лестнице на грузовую палубу.

Приказываю:

– Марита, на связь!

В ответ тишина.

– Марита, никуда не уходи! Мы сейчас.

Через минуту мы с Николасом вваливаемся в рубку. Пусто.

– Какого хрена! – вырывается у меня. – Марита, ты где!

Тина беснуется в эфире, пытается докричаться до своего мужа.

– Идём! – Николас уже грохочет подковами по ступеням, он на полпути вниз. Я спешу за ним.

Снова моргает свет и тухнет окончательно. Гул энергоустановки смолкает, корабль погружается во тьму.

Наушники оглушают женским визгом. Что-то звонко бьётся, плещется жидкость.

– Марита!

Визг повторяется и резко обрывается. Оглушительная тишина закладывает уши ватой. Я слышу своё тяжёлое дыхание и чувствую дрожь по телу. Это не страх, это адреналин жжёт нервы.

Мы бежим среди ящиков. Ну, как бежим – быстро переставляем ноги – в магнитных ботах особо не побегаешь, особенно в темноте. У самого выхода к шлюзу Николас припадает на одно колено.

– Тсс, – предупреждает он, целясь из автомата в темноту.

Я пытаюсь разглядеть, что же там есть, направляю луч фонаря. Свет тонет в чернильных лохмотьях, похожих на те, что мне привиделись в самом начале. Я чувствую, как от пола передаётся вибрация. Многоногий топот, похожий на скрежет металлической щётки или наждака. Словно миллион ног семенит по палубе, царапаясь острыми коготками.

Иссиня-чёрные лохмотья вибрирующей тьмы приближаются. Я холодею от ужаса. Взрыкивает автомат Николаса, раскалённый металл прошивает мрак. Он неохотно расступается и снова сливается воедино.

Не выдерживаю, стреляю и я. «Глот» шипит, выплёвывая сгустки плазмы. Они впиваются во что-то нереальное и гаснут. Тьме всё равно, ей не больно, она наступает, плескаясь о ящики вокруг, будто пожирая их.

– Здесь не пройти! – кричит Николас. – Назад! Через верх!

Мы у лестницы. Я спотыкаюсь, Николас подталкивает меня, падает сам, поворачивается на спину. Тьма у его ног, лижет его ботинки. Кажется, я слышу хруст армированной ткани.

– Твою ж ма... – он давится словами.

Слышу, как скрипят его зубы. Вижу, как конвульсии сотрясают тело. Луч фонаря мечется по сторонам, выхватывая бархатно-чёрных существ размером с ладонь. Они суетятся, непрерывно двигаются, тошнотворно шевеля множеством тонких гибких лап.

Неимоверным усилием Николас поворачивает голову ко мне и поднимает над копошащимися тварями руку. Пузырящиеся кровавой слюной губы шепчут, но не разобрать что. Он разжимает пальцы, в воздухе висит небольшой многогранный огурец.

Граната взведена.

У меня пара секунд.

Я судорожно отключаю магниты и взрываю вверх.

Одна секунда.

Ракетой влетаю в рубку и прячусь за кресло.

Взрыв.

Дикий рёв разбухнувшей плазмы сотрясает корабль. Стон рвущегося металла режет уши. Всё вокруг вибрирует, меня качает. Неизвестно откуда взявшиеся листки бумаги устраивают бешеную карусель, но вскоре их утягивает воздушный водоворот. Воздух стремительно покидает этот проклятый корабль через пробоину в трюме.

Наконец, всё стихает. Даже Тина в эфире. Она лишь тихонько и невнятно всхлипывает. На заднем фоне слышен голос доктора Брауна. Ну наконец-то болван догадался дать ей успокоительное.

Я шепчу, больше для себя:

– Тише, тише.

У меня шок, возможно, контузия, но я понимаю, что останавливаться нельзя. Включаю магниты, нетвёрдым шагом выбираюсь из рубки. Бархатной копошащейся тьмы не слышно и не видно, её поглотила холодная пустота. Сквозь развороченные остатки лестницы я вижу звёзды. Взрыв гранаты может и не убил существ, но ураганный ветер наверняка выдул их наружу.

Здесь не спуститься, узко и много острых углов, я обязательно порву скафандр. Выход один – пройти через пассажирскую палубу, открыть люк в шлюзовую и спуститься там.

Делать нечего, осторожно вхожу в открытый люк. Нужно спешить, вдобавок ко всему, в скафандре почти не осталось воздуха.

Продираюсь сквозь хлам, взбаламученный покидающим корабль воздухом. В невесомости витают вещи пассажиров. Не знаю, живы ли они, спаслись или всё ещё на корабле. Смерти от чёрной саранчи не позавидуешь, хотя, на мой взгляд, задохнуться в шлюпке посреди безграничного космоса худший вариант.

Мимо проплывает небольшая продолговатая коробочка. В таких состоятельные дамы хранят украшения. Путаюсь в своих мыслях, но на моральные устои мне сейчас начхать. Машинально запикиваю её в карман штанов. Отодвигаю в сторону стволом «Глота» чьё-то ажурное бельё. Пробираюсь дальше. Двери, двери, двери, я иду мимо чьих-то несбывшихся надежд.

Наконец-то луч света выхватывает очертания выхода. Он кажется порталом в светлое будущее.

Подхожу ближе. Заглядываю, вцепившись в рукоять пистолета. Сердце готово прорвать грудь.

Никого. Но одна штука привлекает моё внимание. Аварийный люк, тот самый, который не смог открыть Горм. Теперь понятно почему, и по этой же причине, им не смогу воспользоваться я. Он залит иссиня-чёрной пористой массой, похожей на застывшую пену или... соты. Метровой высоты горб выглядит неразрушимым. Над ним свисает такой же, ко входу во второй пассажирский салон тянется вытянутая пузырчатая сопля.

Мне туда.

Делаю шаг в темноту. Сердце замирает.

Свет удивительным образом преломляется, отражаясь от чудовищных наростов, устилающих палубу и переборки вокруг. Ячеистая структура везде. По сравнению с первым блоком, тут царит мрачный порядок. Мусор не летает сам по себе, а надёжно зафиксирован застывшей пеной. Свет моего фонаря убегает вдаль почти до самого выхода, выхватывая череду сталагмитов, увитых пузыряющимися лианами, среди которых виднеются бледные, иссушённые человеческие тела. Сотни тел.

Каюты превратились в гнёзда, переполненные обглоданными до белизны костями, они до сих пор хранят позы мучений своих обладателей. Грудные клетки причудливо играют тенью и светом, пугая меня, заставляя безудержно колотящееся сердце биться ещё чаще.

Я прохожу мимо обезображенных лиц, замирая на каждом шагу. О господи, как трясутся коленки!

Наконец, безмолвный ад кончается, я выхожу на корму и останавливаюсь у бесконечно чёрного проёма лестницы, ведущей вниз.

Кислород на исходе, я слишком часто дышу, ежесекундно ожидая наткнуться на смертельно опасную чернильную тьму. Я знаю, она где-то рядом. Наблюдает, анализирует, ждёт.

Я сглатываю, горло дерёт. Смотрю вниз, и воображение услужливо подсовывает мне картины древнего как мир Босха. То, что ждёт меня там, несомненно, дико, но и цивилизовано одновременно.

Что это за тьма? Что или кто эти существа? Паразиты? Непостижимый разум?

Откуда прилетел корабль, превращённый бархатной тьмой в улей? Неужели там тоже живут создания, считающие себя одиночками во вселенной, как и человек, и жаждущие встречи. Хотел бы я знать! Но ещё больше я хочу жить, а для этого нужно отпустить страх.

Ныряю в проём.

Огромные чёрные глаза Мариты смотрят на меня в упор через разбитый шлем. Иссиня-чёрные губы шепчут:

– No más miedo... (*нет больше страха*)

А ещё они мерцают

Алексей проснулся от лёгкого, на грани слышимости, назойливого писка, очень похожего на комариный, но с приятными серебряными переливами. Словно у насекомого были хрустальные крылья.

Откуда в космосе комары? Он недоумённо пожал плечами и открыл глаза.

Умиротворённый полумрак каюты. На контрольной панели двери перемигиваются огоньки: зелёный и красный, будто играют, кто кого перехитрит. В уголке напротив – фосфоресцирует тонкий ободок компьютера, тоже спящего. На столике у изголовья, на старинных ламповых часах, тихонько тлеют зелёные цифры. Шесть пятнадцать. До подъема полно времени. София обиженно всхлипывает во сне и, шурша тонким одеялом, поворачивается. Глаза безмятежно закрыты, кончики губ чуть подёргиваются. Она улыбается. Возможно, видит его в своём видении.

Алексей нежно провёл ладонью по волосам Софии. Длинные, огненно-медные завиточки упруго пружинили. Он коснулся кончиками пальцев её шеи, почувствовал, как в такт её сердца пульсирует жилка, и очень медленно повел от уха к плечу. Какая же у неё приятная бархатистая кожа!

Веки Софии дрогнули, кажется, она проснулась.

Осмелев, Алексей продолжил исследование. Аккуратно сбросил кончик одеяла с её худого, как у подростка, плеча, оголив спину. Скользнув по предплечью, забрался рукой под короткий топик. Задержался там немного, изучая впадину между лопатками. Медленно опустился до талии. От удовольствия кожа девушки покрылась мурашками. Тогда он решительно сдвинул тонкие трусики и принялся легонько сжимать её ягодицы. София тяжело задышала, её рот чувственно приоткрылся. Когда рука Алексея заскользила по внутренней стороне бёдер, девушка тихонько заурчала. Повернулась на живот, выгнулась, как кошка, маня к себе...

Даже в момент истинного наслаждения Алексея не покидало чувство, что кто-то за ним наблюдает, иногда роняя в темноту хрустальный перезвон.

* * *

Сигнал будильника прозвучал, когда они лежали обнявшись, усталые и умиротворённые. Алексей легонько похлопал Софию по аппетитному бедру.

– Подъём, котёнок. Нас ждут звёзды Волопаса.

София наморщила лоб и зарылась носом в подушку.

– Не хочу я видеть эти твои Сциллу и Карибду, – пробурчала она глухо.

– Вообще-то в этой системе три звезды, и они не мои, а твои. Ты же астрофизик! Я всего лишь простой помощник капитана. Подай, принеси, порули.

Алексей встал, в каюте зажёгся мягкий свет.

– Нет, не простой, – София повернулась на спину, не удосужившись прикрыться, – самый лучший. Который скоро получит лицензию и сам станет капитаном. Не уходи, мой капитан... – она призывно мяукнула.

– Это нечестно, София Раменская, точнее уже Торцева, – он с сожалением закусил губу, глядя на обнажённую девушку. – Вставай, пора на завтрак. Я твой муж, и ты должна меня слушаться.

София прыснула:

– Ха, муж! Пока ещё неофициально. Нас же обвенчал бортовой компьютер, а не священник.

– Брось! Искусственному разуму давно дали право регистрировать браки в дальнем космосе. Это же проформа.

– Нет, – София насупилась, – ты же знаешь, как важно для меня соблюдать правила.

– Ты про свои ритуалы?

– Не ритуалы, а заветы.

– Ну да, заветы. Пережитки прошлого.

София села, обняла колени и скуксилась.

– Не пережитки, а вечное.

– Вечное-вечное, – Алексей чмокнул её в нос. – Пошли, опоздаем.

София фыркнула и спрятала лицо в коленях. Когда она выглянула оттуда, Алексей уже плескался в душе.

– Всё, я обиделась, – заявила она в пустоту.

* * *

Команда «Пристани судьбы» завтракала за длинным узким столом в кают-компании. Во главе восседал капитан Геннадий Петрович Иноземцев, грузный лысый толстяк с вечно хмурым выражением лица.

– Мира говорит, через час будем на месте, – сказал он, заканчивая короткий брифинг. —Будьте порасторопнее с аппаратурой. Не зря же мы пилили в такую даль полгода.

– Хорошо, капитан, будем, – как обычно, ответил за всех бортиженер Мишка Смагин. Хотя обязанность говорить от лица команды лежала на старпومه.

Всю долгую дорогу от Земли до системы 44 Волопаса остролицый долговязый Мишка подкалывал Алексея. И его это просто бесило. Задирал Мишка всех, но шутки про старпома были особо обидные. В принципе, Алексея недолюбливал весь экипаж. После того, как он сошёлся с дочкой начальника экспедиции, всем вдруг сразу стали очевидны мотивы и открывающаяся перспектива, идущая в комплекте с видной супругой. Её отец, профессор Раменский, был спонсором экспедиции и далеко не последним человеком на Земле.

На самом деле Алексей и сам не понял, когда успел так влюбиться в Софию. Не думая о мотивах и не строя далеко идущих планов. Но как объяснить это остальным?

Стараясь спасти летящий к чёрту авторитет, Алексей строго зыркнул на Мишку и сказал: – Итак, всё слышали капитана? Заканчиваем бездельничать, не теряя времени приступаем к своим обязанностям. Ясно?

– Ясно, старпом. Выто его явно не теряли даром, – намекнул Мишка на женитьбу и заржал.

Команда шутку поддержала дружным смехом. Смеялись все, включая капитана, профессора Раменского и Софию. Она дулась с самого утра, обидевшись, по мнению Алексея, на сущий пустяк, а теперь, похоже, мстила.

Нет, он не обиделся – на обиженных воду носят. Хотя Мишка его реально достал. Стоило бы набить рожу задире, но останавливало гипертрофированное чувство ответственности. Алексей живо представил, как хватает убудка за грудки и швыряет к переборке. Потом набрасывается, словно зверь. Его кулаки раз за разом поражали цель. Из носа мерзавца хлестала юшка, разбитые губы кровоточили. Конечно, Мишке пришли бы на помощь, но Алексей растолкал их...

– Пойдёшь со мной? – знакомый голос вывел его из сладких грёз.

– Что?

Экипаж покинул кают-компанию и разбрёлся по делам. София стояла перед ним.

– Ты должен разблокировать приборы личным кодом. Пойдёшь со мной?

– Да...

Они направились по коридору в носовую часть корабля, где располагался научный центр. До самого шлюза оба больше не проронили ни слова, хотя язык у Алексея прямо-таки чесался отчитать жену за насмешку.

Внутри просторного помещения лаборатории собрались все ученые, давно жаждущие приступить к работе. Когда Алексей вошёл, они удивлённо уставились. Собственно, а зачем он сюда-то пришёл? Ведь Мира услышит его в любой точке корабля, и даже вне его, по радио.

Алексей понял, что опять попал впросак.

– Мира?

– Да, Алексей Степанович? – компьютер корабля всегда называл капитана и старпома по имени и отчеству, подчёркивая высокий статус офицеров. Глубокое сексуальное контральто Миры казалось очередной насмешкой.

Он еле-еле сдержался, чтобы не заорать.

– Вот что, Мира, кхм, снимите блокировку с оборудования по списку строгого учёта. Доступ согласно штатному расписанию.

– Команда принята. Доступ разрешён.

– Приятного всем дня, – бросил он и вышел, даже не взглянув на ехидно улыбающуюся Софию.

* * *

«Пристань судьбы» вышла в заданные координаты в девять утра по корабельному времени. Длинный, похожий на стрелу корабль завис в безграничной пустоте, наполненной мириадами звёзд. Три сильно выделялись.

Мира предложила пятую точку Лагранжа для остановки, как наиболее энергоэффективную. Капитан не отказался, и учёные были довольны, место позволяло вести наблюдение сразу за всеми звёздами системы 44 Волопаса.

С позволения капитана Мира занялась диагностикой и ремонтом систем корабля. Экипаж ей помогал, выполняя рутинные процедуры. В основном подай-принеси, открути-привинти.

На четвёртые сутки отремонтировать стало нечего, Мира объявила о полной готовности всех систем. Учёные заперлись в лаборатории и практически не вылезали оттуда. На корабле воцарилось уныние.

А потом всё стало гораздо хуже.

Люди стали жаловаться на непрерывные головные боли и бессонницу, все ходили нервные, цепляясь друг к другу по мелочам. Однажды очередной Мишкин прикол привёл-таки к драке. Благо, вовремя вмешался капитан и привёл в чувство, пригрозив карцером.

В надежде найти покой члены экипажа обратились к Бернштейну, корабельному врачу и психологу. Но лекарства и душевные беседы помогали ненадолго.

София, как и остальные ученые, буквально дневала и ночевала в лаборатории, иногда выползая на несколько часов, принять душ и немного поспать. Раздражённая и злая, она срывалась на всех, кто попадался на глаза. Алексею доставалось больше других. Конфликт ширился, ничего не помогало. Он даже подумывал обратиться за помощью к её отцу.

Через две недели тихая «Пристань судьбы» напоминала пороховой склад. Фитили на бочках уже не тлели, а вовсю пылали, шипя и брызгая искрами.

Неожиданный поворот произошёл на пятнадцатый день, когда крайне возбуждённый профессор Раменский связался с рубкой, где скучал Алексей, и потребовал провести экстренное собрание.

Команда собралась в кают-компании перед большой и подробной голографической моделью системы 44 Волопаса. В центре пылало большая косматая звезда оранжевого цвета, обозна-

ченая Мирой буквой А. Вокруг неё вращалась парочка В и С. По размеру все три звезды были очень похожи на Солнце, различаясь лишь температурой и классом. Планет у них не было. Обширный астероидный пояс в трёх астрономических единицах от звезды А намекал, что, возможно, они и были, но во время бурной молодости системы – сплыли. Хаотичное движение трёх мощных гравитационных центров разорвало их на куски давным-давно.

Светила неторопливо клокотали, вздымая высокие протуберанцы. Между В и С сверкали огненные струи плазмы в десятки тысяч километров длиной. Вещество с поверхности одной звезды медленно перетекало к другой, расплываясь по её фотосфере яркими пятнами.

Мишка, глядя на космическую инсталляцию, откровенно зевал. Кто-то из экипажа смотрел с опаской, кто-то с восхищением. Алексей думал о Софии.

– Вениамин Сергеевич, это очень красиво, но в чём, собственно, дело? – недовольно спросил капитан.

– Терпение, друзья. – Худой и костлявый профессор Раменский потёр руки. – Терпение... Вот!

На тёмно-оранжевой поверхности звезды А появилось светлое пятно. Оно быстро выросло в размерах и превратилось в большой белый пузырь. Через секунду пузырь лопнул, выплеснув в космос огромный протуберанец. Легко преодолев силу притяжения звезды, он стремительно понёсся к парочке В и С.

– Через пару минут достигнет двойную компоненту, – прокомментировал Раменский. – Естественно, вы сейчас видите модель, я ускорил процесс для наглядности.

– Это опасно? – спросил Алексей. – Будет взрыв?

Экипаж «Пристани» напрягся.

– О нет! Взрыва не будет. Не сейчас, – успокоил всех Раменский. – Один такой всплеск не способен нарушить космическую идиллию.

Огненная река из миллионов тонн расплавленного вещества добралась до Волопаса В и коснулась его. Между звёздами, под восхищённые возгласы экипажа, возник мерцающий мост.

– Профессор, – недовольно буркнул капитан, – я знаю, вы не склонны к сантиментам. Красивые виды звёздного неба ещё никогда не вызывали у вас желания собрать всех в круг, распевая Кумбая. В чём дело?

– Вы правы, – согласился Раменский. Он был всклокочен и бледен больше обычного, а устойчивый запах немытого тела свидетельствовал о крайне редких водных процедурах. Профессор, похоже, совсем не покидал лабораторию с того момента, как «Пристань» достигла места назначения.

– Несмотря на то, что мы обсуждали тему неоднократно, я хочу кое-что напомнить... – начал было профессор, но Мишка его прервал:

– Да, да. Каждый божий день вы рассказывали про этих ваших волопасов...

– Смагин, отставить! – рявкнул Алексей.

Мишка набычился, но всё же заткнулся. Профессор продолжил:

– Так вот... Как я уже говорил, около года назад членами Земной Астрофизической Ассоциации были зафиксированы странные изменения в угловых размерах некоторых звёзд северного полушария. Звёзды Змеи, Девы, Волопаса и других стали тускнеть! Представляете, светимость Арктура (в созвездии Волопаса) упала на целых пятнадцать процентов! Мицара (в созвездии Большая Медведица) и того больше!

– Да, профессор, мы знаем. Вы говорили, – опять встрял Мишка. – Цель экспедиции проверить, не погасли ли тутошные солнышки.

– Да. И как бы это странно ни звучало, они действительно гаснут!

– Что?

– Совсем недавно Муффрид (в созвездии Волопаса) исчез с неба совсем!

Послышались изумлённые возгласы.

– Как это исчез? Куда? В гипернете же никто не писал! Сенсация!

– Дай бог, об исчезновении Муфрид не узнают ещё лет тридцать, – продолжил Раменский. – Иначе, из-за неминуемой паники, на Земле разразится небывалый со времён Войны Колоний кризис. Никто не должен об этом узнать! Как и причину.

Команда притихла, переваривая услышанное. Доктор Бернштейн поднял руку.

– Нескладица какая-то получается, коллега. Пропал Муфрид, а мы прилетели к другой системе. Почему же?

Подумав, Алексей рискнул ответить за Раменского:

– Потому что туда полетел другой корабль.

– Совершенно верно, – профессор кивнул. – У нас задачи более серьёзные и интересные.

Понимаете, как бы это попроще объяснить, раньше звёзды системы 44 Волопаса достаточно сильно отличались друг от друга. Однако, полгода назад началось парадоксальное изменение их размеров. Уменьшение компоненты А и увеличение ВС! Сейчас все три звезды почти равны! Если измерить их...

– Интересно-то как, – буркнул с сарказмом Мишка. – Мерить-не перемерить...

– И мы намерили! – профессор грубо прервал бортинженера. – Звёзды не только меняются в размерах, но и сближаются! Уже на 750 миллионов километров за последние две недели!

– Вы хотите сказать, что скоро произойдёт космический карамболь? – удивился Бернштейн.

– Точно! Будет взрыв сверхновой. Из трёх звёзд. Мы должны это увидеть...

Словно подтверждая его слова, Волопас А снова выплюнул гигантский протуберанец в сторону соседей.

* * *

Дверь с тихим шелестом ушла в переборку, в каюту вошла София.

– Прив... – бросила она устало и повалилась на кровать.

Алексей обернулся к девушке.

– Как дела?

София наморщила нос и не ответила.

– Всё изучаете?

– Угу.

– Ну и как?

– Да никак! – София взорвалась подобно динамитной шашке. – К чёрту! Надоело! – Вскочила с кровати, заметалась по каюте, собирая разбросанные в беспорядке вещи. Потом бросила под ноги ком, села на край кровати и зарыдала, уткнувшись в ладони.

– София? – Алексей попытался обнять девушку, чтобы успокоить, но та резко отстранилась. – Ну и сиди тут, как дура!

Он психанул и выскочил в коридор. С удовольствием хлопнул бы дверью, но та ушла в переборку, пришлось довольствоваться ударом кулаком в кнопку.

Несмотря на грозящую опасность, путём только им обоим понятных угроз, Раменский заставил капитана остаться в системе во время взрыва сверхновой. Более того, профессор настоял, чтобы корабль вышел на самую низкую орбиту вокруг звезды А.

Чем ближе подходила «Пристань судьбы», тем больше раскалялась психологическая атмосфера на корабле. Даже Мира отвечала с ноткой недовольства в голосе.

Алексей поднялся по лестнице в пустую рубку и плюхнулся в кресло. Вызвал Миру.

– Что нужно, старпом?

Искусственный интеллект никогда раньше так не отвечал.

– Мира, что с тобой? Ты сегодня не в себе?
– Старпом, как я могу быть «в» или «вне»?
– Ладно, забудем. Доложи-ка мне лучше последнюю сводку.
– Все системы корабля функционируют нормально. Мы выйдем в намеченную точку примерно через сорок минут. Расход энергоресурса оптимален.
– Курс покажи.

На голопроекторе появилась парабола, усыпанная векторами коррекции тяги. Конечная точка была прямо в центре звезды.

– Какого чёрта, Мира? Ты ошиблась в расчётах. Курс проложен неверно.
– Никакой ошибки нет. Траектория рассчитана исходя из заданных координат.
– Опомнись, компьютер! Мы с капитаном установили точку в миллионе километров от фотосферы. А ты что показываешь?
– Никакой ошибки нет, – компьютер был непреклонен.
Ситуация пахнет бунтом. Алексея охватила лёгкая паника.
– Чёрт! – Алексей щёлкнул выключателем и вызвал капитана. – Геннадий Петрович, у нас проблемы!

Иноземцев появился через пару минут. Он проворчал что-то о дурдоме на корабле и вызвал Миру.

– Мира, в чём дело? Поясни, почему ты ведёшь нас в центр звезды!
– Я выполняю ваше распоряжение.
– Да???

Неожиданно изображение на экране поменялось. Конечная точка курса оказалась вне звезды.

– Опомнилась. Мира, что это значит?
– Параметры изменились. Я обновила модель, чтобы текущие данные соответствовали истине.

Капитан и старпом удивлённо переглянулись. Точно глюк компьютера. Это до хорошего не доведёт.

– Мира, ты нас пугаешь. Немедленно поясни, какие параметры заставили тебя изменить модель.

– Положение компонента А системы 44 Волопас изменилось с момента последнего анализа. Удаление объектов и разрешающая способность датчиков не позволяет мне моделировать изображение быстрее.

– Не понял! Ты хочешь сказать, что положение звезды изменилось?
– Да, она сместилась на 20 миллионов километров. Компонент А движется с постоянным ускорением, идя на сближение с компонентами В и С.
– Дурдо-о-ом! Как такое возможно?!
– Мне не хватает данных, чтобы ответить на ваш вопрос, капитан.

* * *

– Вот чёрт! Вот чёрт! У нас угнали звезду! – Мишка нервно ходил туда-сюда. Впрочем, не он один. Из-за непрерывных споров и ругани в рубке стоял гвалт

– А ну прекратить бардак!

Капитан рявкнул, и шум постепенно стих.

– Профессор Раменский, – обратился к нему доктор, – произошедшее окончательно дестабилизировало обстановку на корабле. Вам стоит ещё раз обдумать сложившуюся ситуацию и принять правильное решение. «Пристань судьбы» подвергается неоправданному риску. Нужно покинуть систему, пока не поздно.

– Невероятно! Вы же тоже учёный. И вы могли бы пропустить такое невероятное, я бы сказал, уникальное событие?

– Я врач...

– Вы боитесь?

– Конечно! А вы разве нет?

– Нет! Я доверяю капитану и его профессиональным навыкам. Он говорит, что корабль выдержит.

– Речь идёт о взрыве сверхновой. Никто и никогда не проходил такое испытание. Как вы можете полагаться на домыслы?

– Если бы Джордано Бруно не полагался на домыслы, мы бы до сих пор считали, что живём на черепахе.

– Сейчас не времена инквизиции. Если вы не одумаетесь, то я сверну экспедицию.

– Кишка тонка.

– На корабле эпидемия! И я вправде...

В рубке повисла тишина, прерываемая только редким писком приборов.

– Эпидемия? – спросил Мишка. – Что это значит, доктор?

Бернштейн взглянул на капитана. Тот сверлил его взглядом.

– С тех пор, как мы сюда прилетели, экипаж не вылезает из моего кабинета. Симптомы у всех одинаковые: головная боль, раздражительность, тревожность, плохой сон. Видения и звуковые галлюцинации. Препараты почти не действуют. Капитан, я со всей степенью ответственности констатирую: налицо все признаки эпидемии.

– Вирус? – спросил Иноземцев.

– Нет, Мире не удалось выделить каких-либо патогенов. Кроме повышенной клеточной активности, отклонений нет. Синдром угнетённой нервной системы. Я уверен, что дело в каком-то излучении. То, что воздействует на звёзды, влияет и на нас.

– На этом всё, доктор, – сказал капитан. – Мы обсудим детали позже. Наедине!

– Чего это позже? – встрял Мишка. – Давайте сейчас обсудим!

– У меня хорошая психологическая подготовка, – продолжил Бернштейн после паузы, – но даже я должен признать, что пребывание на корабле становится невыносимо. По ночам я слышу странные звуки, похожие на звон серебряных колокольчиков.

– На трепет крыльев, – поправил Алексей.

– Да, – кивнул Мишка, – словно трепещут маленькие хрустальные крылышки. Как у фей...

– А ещё они мерцают... – добавил задумчиво Раменский, но, опомнившись, сказал: – Друзья, в этом нет ничего страшного. Всего лишь переутомление. Это не повод упускать уникальную возможность познать процессы во вселенной. Поведение звёзд Волопаса неповторимо. Мы можем, кхрм...

Он поперхнулся, потому что Мишка взял тщедушного профессора за грудки.

– А мне-то какое дело до процессов вселенной?! Это опасно, тебе говорят. Нужно улетать.

– Смагин, отставить! – капитан грубо одёрнул Мишку. – Поспешных действий мы делать не будем. Отправим запрос на Землю с просьбой прервать экспедицию.

– Ответ придёт через сутки!

– Ничего, придётся потерпеть.

– Потерпеть?! А если мы чокнемся и поубиваем друг друга?

– Если кто и способен на убийство, то только бортинженер Смагин, – вставил Раменский.

– Ах ты ж лысый хрен!

– Стоп! Назад! Я сказал, назад! – капитан грохнул кулаком по столу. – Профессор, идите в лабораторию!

Раменский ужом проскользнул в коридор. А красный, всклокоченный Мишка уставился на капитана исподлобья. – Эта гнида что-то скрывает, – заявил он.

– Не твоего ума дела!

* * *

Алексей тяжело вздохнул и нажал кнопку вызова на двери каюты Софии. Сигнал в очередной раз смешно чирикнул, дверь никто не открыл.

– Она в лаборатории.

Голос Раменского оказался настолько неожиданным, что Алексей вздрогнул.

– Да? Спасибо. Пойду туда.

– Вам нельзя.

– Как это?

– В целях чистоты эксперимента вход в помещения на носу корабля посторонним запрещён.

– Это я-то посторонний? – Алексей уставился на Раменского. – Вы чего, профессор? Я всё-таки старпом...

Тот развёл руками.

– Да, да. Но пункт 17 инструкции по безопасности уложения по экспедиции... Ничего не могу поделать.

Честно говоря, про такой пункт Алексей не знал, но причин не верить Раменскому не было. Цели экспедиции полностью были известны только капитану и ему.

– Вениамин Сергеевич, мне очень нужно поговорить с Софией. – Он доверительно посмотрел в глаза профессору. – Очень.

– Она занята в важном научном эксперименте. Как только освободится – я ей скажу, что вы просили о встрече.

– Она не захочет сама. Мне нужно сейчас.

– Нет!

– Да кто вы такой, чёрт побери!

Он взял профессора за грудки.

– Мы сейчас же пойдём в лабораторию, и вы позовёте мою жену! Я сказал!

– Нет! – улыбаясь, ответил Раменский.

Вытащил из кармана электрошокер и вырубил Алексея.

* * *

Алексей очнулся от укола в руку. Голова гудела, словно в черепной коробке поселился рой диких пчёл. Во рту пересохло, ужасно хотелось пить и в туалет. Он с трудом разлепил спёкшиеся губы и закашлялся. Что-то сильно сдавливало грудь. Оказалось, крепкие пластиковые ремни, надёжно фиксирующие его на месте.

Алексей попытался открыть глаза, но тут же зажмурился от яркого света. С полминуты ничего не происходило, потом чья-то тень загородила источник. Раздался голос профессора Раменского:

– Лежите спокойно, Алексей. Не делайте резких движений, и боль пройдёт.

– Что со мной? Где я?

– Вы неосторожно упали. Бывает.

– Почему я привязан? Что вы со мной сделали?

– Ничего. Принял меры предосторожности. У вас был приступ немотивированной агрессии. Вы напали на бортингенера Смагина и чуть не убили. Пришлось вас успокоить.

Алексей аккуратно приоткрыл глаза и огляделся вокруг. Он лежал на стандартной медицинской койке в центре помещения, заставленного аппаратурой. По обеим сторонам виднелись ещё койки и на дальней справа кто-то лежал. На лазарет не похоже, скорее на морг.

У входного люка он заметил код А-10. Значит, он в одной из кают на носу. В лаборатории Раменского, куда старпому, с его же слов, заходить нельзя.

– Немотивированной агрессии? Почему я здесь, а не в лазарете?

– Вы в тихом месте, где вам помогут.

– Помогут? Вы что, меня за психа держите? Я не нападал на Мишку, отпустите немедленно!

– Всему своё время. Позже вы ещё понадобится. А пока отдыхайте.

Раменский ушёл, не обращая внимания на крики старпома.

– Эй, ты, помоги, – обратился Алексей к лежащему на соседней койке, но тот не откликнулся. Алексей испугался было, что это покойник, но человек дышал, это видно было по мерно вздымающейся и опускающейся груди.

Покричав ещё немного, Алексей успокоился и ещё раз попробовал освободиться от пут. Дёргал, тянул, изо всех сил старался порвать крепёж. Ничего не вышло, пластик оказался очень крепким. Оставив бесплодные попытки освободиться, Алексей задумался, что ещё предпринять. Но сам не заметил, как уснул.

Ему приснился профессор. Он творил какие-то странные пассы над обнажённым женским телом, лежащим на залитом кровью алтаре. Вокруг скакали то ли черти, то ли козлы, стоял невероятный шум и пахло коровником. Раменский воткнул в грудь жертвы кривой нож и растворился, безумно хохоча. Потом всё заволоч густой розовый туман. Из него появились странные существа, похожие на изодранные занавески. Они принялись пожирать убитую, звеня хрустальными колокольчиками. Кто-то тихо произнёс: «Ты следующий, старпом», и он в ужасе проснулся.

Изнывая от невыносимой рези внизу живота, Алексей принялся громко звать Раменского, требуя в туалет. Никто не пришёл.

Ничего другого не оставалось. Сгорая от стыда, Алексей собрался позорно дать течь, как вдруг услышал шорох. Скрипнул металл, на пол упало что-то лёгкое и плоское.

– Тихо, – над ним возник Мишка и принялся его распутывать.

– Ты?! Как?

– Всё очень хреново, старпом! На корабле настоящий дурдом, и эта психушка летит в ад. Капитану снесло башню! Он убил доктора и двух инженеров, заблокировал личным кодом Миру и ведёт корабль в ручном режиме.

– Убил?! Где София? Сколько я был без сознания?

– Не знаю, я почти сутки ныкаюсь по техническим переходам. – Он закончил развязывать Алексея. – Идём!

Собрался было нырнуть в вентиляционный люк, из которого выбрался, но Алексей его остановил.

– Подожди, тут ещё человек. Нужно проверить.

Это оказался один из научных, молодой черноволосый парень. На его груди, руках и голове светились многочисленные датчики. На бледном лице застыла глуповатая улыбка. Казалось, человек просто спит.

– Эй, – Алексей легонько толкнул учёного, но тот никак не отреагировал.

Алексей затряс сильнее. Парень дёрнулся и медленно разлепил веки. Угольно-чёрные, словно лишённые зрачков глаза уставились в даль. В глубине сверкали, переливаясь и мерцая, тысячи звёзд.

– Хрена себе, – воскликнул Мишка. – Это что же такое?

– Не буди. Больно! – Сказал парень, закрыл глаза и больше не реагировал, как бы Алексей ни тряс.

– Он под какой-то дурью, – заявил Мишка.

В соседнем помещении послышался шум, что-то посыпалось, кто-то крикнул, ему ответили.

– Валим! – приказал Мишка и первым полез в люк.

Они забрались в вентиляцию, поставили решётку на место и замерли. Повезло, в комнату никто так и не вошёл.

Внутри оказалось достаточно просторно, чтобы ползти на карачках и не задевать плечами стенки. Места хватало даже развернуться, в случае чего.

– Мишка, стой! Какой план?

– Всё просто! Мы захватываем рубку, ты перепрограммируешь компьютер, и мы сваливаем отсюда к чёртовой матери.

– Мда-а... оригинальный план, учитывая то, что капитан вооружён, а остальная команда ему подчиняется.

– Не ему. Раменскому. Он главный.

– Рассказывай всё. Только убедительно, я тебе не доверяю.

– Я тебе тоже не доверяю! Я освободил тебя только потому, что ты умеешь пилотировать эту посудину. Чего рассказывать, все сошли с ума. Я хочу выжить.

– Понятно. Давай конкретику.

– Конкретику? Взгляни на труп доктора, куда уж конкретнее. Капитан вышиб ему мозги так, что всю переборку забрызгало.

– Почему капитан начал стрелять?

– Это ему Раменский мозги проканифолил. Всё про какие-то инструкции из Центра долдонил, вот и протекла крыша. Капитан в теме, я понял это, потому что тот не отослал сообщение на Землю.

– Чушь, я сам видел лог передачи.

– Он отправил краткий отчёт. Ни слова про грозящую нам опасность. Да и вообще, в конце сообщения была приписка: «Всё идёт по плану».

– Откуда ты знаешь?!

– Старпом, ты умеешь рулить кораблём, я бортинженер-связист. У каждого свои трюки.

– Ладно, уговорил. Что дальше?

– Дальше из Центра пришёл ответ: «Пройти стадию коллапса. Объект доставить любой ценой».

– Какой объект?

– Не знаю какой, но «стадия коллапса» звучит угрожающе. Понимаешь, нас намеренно подставили.

– Если подняться над плоскостью эклиптики повыше, то кораблю ничего не угрожало бы...

– Старпом, ты бессмертный, что ли? Это взрыв сверхновой! Яичница из трёх звёзд! Короче, сложив два и два, мы пошли с ребятами к капитану. Там был Бернштейн. Он орал, угрожал, что примет меры и что-то кому-то расскажет. Капитан выхватил револьвер – знаешь, тот, который в рамочке у него в каюте, – и застрелил доктора. Мы с ребятами оказались свидетелями. У капитана совсем сорвало крышу, и он открыл стрельбу по нам. Ранил Сёму в живот и убил Завьялова. Я еле ноги унёс. Последнее, что услышал, как Раменский угрожал капитану, что если тот не возьмёт себя в руки, то отдаст его каким-то «мерцающим», а ты будешь пилотировать корабль.

– Всё, пипец, не могу больше!

– Я не вру! Так и сказал.

– Да нет, мне позарез нужно в туалет!

– А-а, через десять метров каюта. Пошли! – Мишка заработал локтями и пополз, стараясь сильно не шуметь.

Открутив четыре болта, они вылезли в полутёмную комнату. Это оказалась подсобка.

– Бли-и-ин... Это не каюта. Здесь нет санузла.

Мишка осторожно подошёл к двери и аккуратно выглянул в маленькое окошко.

– Облом, старпом, там люди. Делай тут, если нет сил терпеть.

Алексей, недолго думая, пристроился в углу и зашипел от удовольствия. Мишка, тем временем, принялся комментировать происходящее за дверь.

– Чёрт! Там Раменский и его лабораторные крысы: девушка и два парня. У них там что-то... Постой... Постой... Кажется, там твоя...

Алексей бросился к окошку. София лежала в большом прозрачном саркофаге автодока. Вокруг сновали лаборанты. Раменский стоял у пульта управления в окружении кучи голограмм.

– Что они делают? – сдавленно крикнул Алексей.

– Тсс! Не шуми! Нам вдвоём с ними не справиться.

– Но там София! Нужно вытащить её оттуда!

Алексей протянул руку, чтобы открыть дверь. Мишка встал у него на пути.

– Нужно, нужно, но потом! Сначала идём в рубку. Захватив управление кораблём, ты сможешь диктовать свои условия. Усёк?

– А тем временем они разрежут её на куски!

– Не разрежут! Не может же Раменский собственную дочь... – Мишка запнулся.

Может быть, и может. Алексей почувствовал, как внутри него начинает закипать ярость. Он заметил на полке что-то длинное и блестящее. Схватил. Это оказался какой-то инструмент nauчников, похожий на очень навороченный разводной ключ. Тяжёлый.

– Пусти!

– Нет!

Из соседнего помещения послышался шум. Алексей и Мишка снова выглянули в окно.

Посреди комнаты стоял капитан и, отчаянно жестикулируя, кричал на Раменского. Вид у него был потрёпанный, он явно был пьян. На ремне болталась застёгнутая кобура. План действий в голове у Алексея сформировался мгновенно. Он крепче сжал в руках оружие.

Мишка понял.

– Я отвлеку, – шепнул он и нажал кнопку.

Выскочив в проём, Мишка дико заорал и бросился с кулаками на ближайшего лаборанта. С размаху впел в челюсть так, что тот отлетел к стене.

Капитан достал револьвер из кобуры и медленно, как в замедленной съёмке, поднял руку в сторону Мишки.

Алексей ударил сильно, широко размахнувшись. Разводной ключ встретился с черепом капитана, раздался глухой хруст, и во все стороны брызнуло красным. Падая, капитан всё же выстрелил.

Пуля пробила грудь лаборанту, на которого напал Мишка. Коротко взмахнув руками, молодой учёный сполз на пол. На белом халате быстро набрякло кровавое пятно.

Алексей вынул из ослабших рук капитана оружие и направил ствол на Раменского.

– Не двигаться!

– Старпом, бросьте, вы не понимаете, что делаете! – пренебрежительно фыркнул профессор.

– Руки!

Отдав разводной ключ Мишке, Алексей проверил пульс капитана. Жив!

– Ты! – Алексей ткнул дулом в лаборантку. – Перевяжи! Только без глупостей.

Почти такая же белая от испуга, как собственный халат, девушка коротко кивнула и занялась капитаном.

– А ты, – Алексей кивнул Раменскому, – освободи Софию. Немедленно!

– Друзья, успокойтесь! Через пару минут вы станете свидетелем настоящего чуда. Не мешайте ему свершиться!

– Что за чушь вы опять несёте? Откройте автодок!

– Вы когда-нибудь видели ангела?

– Что?!

– Ангела? Посланника Божьего... Ну конечно же нет!

Профессор резко повернулся и схватил маленькую плоскую коробочку с пульта.

– Стоять! – заорал Алексей и выстрелил, но в Раменского не попал. Пуля срикошетила от столешницы и увязла в панели.

– Вы не сможете меня убить, Алексей, – Раменский высокомерно усмехнулся. – Посланники Божьи защитят меня. Я избран быть им проводником в этом мире. – Он покачал головой. – Вы ничем не сможете мне навредить.

– Я просто промахнулся! – процедил Алексей. – Но могу попробовать ещё раз.

– Это ни к чему. Смотрите, – он показал коробочку, – всего лишь пульт от проектора.

Раменский нажал кнопку, и на большом экране появилось объёмное изображение звёздной системы 44 Волопаса. Того, во что она превратилась. Три разбухшие до гигантских размеров огненно-красные звезды кружились вокруг общего центра сил. Пояса астероидов уже не было.

– Прекрасно, не правда ли? – спросил профессор.

– Я видел анимацию и получше.

– А вот это вы тоже видели?

Камера поплыла над самой поверхностью одной из звезд. Мир, окрашенный во все оттенки красного, пугал и завораживал. Косматые протуберанцы мощно вздымались, безудержно резвясь в кровавом бульоне. Огромные пузыри расплавленного вещества то и дело надувались и лопались, расплёскивая вокруг тысячетонные брызги.

– Смотрите! Смотрите! Вот ОНИ, – профессор торжествовал.

В разогретой до чудовищной температуры атмосфере звезды двигались яркие искорки. Словно мошки, слетевшиеся на свет фонаря, они роились, вспыхивали и гасли. Несмотря на хаотичность, в их движении была какая-то цель.

– Кто это? – удивился Мишка. – Они что, пожирают звезду?

– Это ангелы, друг мой! Они творят колыбель. Скоро родится маленький.

Алексей замотал головой.

– Бред какой-то! Миша, открой автодок. Кажется, профессор морочит нам голову.

Мишка ткнул модифицированным разводным ключом лаборантку в спину и показал на автодок.

– Давай.

Профессор испугался.

– Нет, нет, нет! Её нельзя беспокоить!

– Почему?

– По двум причинам, – он глупо хихикнул. – Во-первых. Та-дам! – театральная пауза. – Вы, Алексей, станете папой! Мои поздравления!

Алексей недоверчиво посмотрел на аппарат. София безмятежно улыбалась во сне.

– София беременна?!

– Да. Срок небольшой, нужно не допустить потери ребёнка.

– Говори, что ты с ней сделал, ублюдок? – он нацелил оружие профессору в голову.

– Полноте вам! Она бесценна! У неё есть и другое предназначение. Вы всё сами скоро поймёте.

Ощетинившиеся гигантскими молниями, звёзды ускорили вращение. Шары вытянулись в безумном хороводе. С каждым оборотом расстояние между ними сокращалось, они сближались всё ближе и ближе. Когда триллионы тонн перегретого звёздного вещества соприкоснулись, чудовищный взрыв вскипятил вакуум и ослепительная вспышка вспорола пространство. Буквально за долю секунды до этого мириады ярких мерцающих точек бросились врассыпную.

– Уводи корабль! – заорал Мишка и потащил ошарашенного Алексея за собой.

Профессор безумно захохотал.

– Какой грандиозный финал космического спектакля! Но это ещё не конец... Смерть – это только начало. Так рождаются ангелы!

На месте взрыва суперновой кипело огненное облако диаметром в миллионы километров. Оно ширилось, клокотало, выдавливая в окружающее пространство волны раскалённого газа. Первый огненный вал стремительно приближался к «Пристани судьбы». Вперёд вырвалась мерцающая точка.

Новорождённому ангелу было очень страшно. Его окружала холодная чёрная пустота. Сила взрыва сверхновой дала силы прийти в этот мир, но, чтобы жить, нужна была энергия молодой звезды. Ангел стремился туда, где смог бы побыть в безопасности некоторое время.

Рев сигнала аварийной сигнализации вывел Алексея из ступора.

– Всё, хватит нам коллапсов! – заявил он. – Внимание, Мира, говорит старший помощник Торцев. Чрезвычайная ситуация! Корабль и экипаж в опасности! Капитан не может выполнять обязанности, я старший офицер на борту. Код допуска W4721, принимаю командование на себя. С целью обеспечения безопасности приказываю снять блокировку бортового компьютера. Экспедицию считаю проваленной, приказываю активировать протокол «Ирис». Искусственному интеллекту приступить к манёвру уклонения.

– Полномочия подтверждены. – Мира была совершенно невозмутима, несмотря на взрывающиеся под боком звёзды. – Задействован протокол экстренного возвращения на Землю. Идёт зарядка батарей гипергенератора. Минутная готовность. 59... 58...

Ангел остановился у маленькой лодочки, плывущей в безбрежном океане холодной пустоты. Внутри ждало убежище. Нужно скорее войти и спрятаться.

Грохот хрустальных крыльев оглушающим набатом заполнил лабораторию. Одна из внешних переборок мелко задрожала и вспыхнула изнутри. Сквозь толстый прочный металл и несколько защитных слоёв из керамопласта медленно просачивалось что-то нестерпимо яркое. Спустя секунду в центре помещения зависло мерцающее облако. Из-за огромных распротёртых крыльев позади тонкого вытянутого тела оно напоминало крест. Непрерывно дрожа и колыхаясь, как ткань на ветру, существо сверкало миллионами алмазных граней.

– Это Он... Он! – задохнулся профессор и опустился на колени. – Ангел Божий!

– 44... 43...

Ни на кого не обращая внимания, существо двинулось к лежащей в капсуле Софии. Его путь прошёл прямо над телом капитана и лаборанткой. Неведомая сила приподняла их, смяла в бесформенную массу и разорвала на молекулы. Остался лишь кровавый туман.

Алексей стрелял, пока не кончились патроны, отлично понимая, что не может причинить существу никакого вреда.

– 23... 22...

У капсулы автодока существо засветилось ещё ярче. Нестерпимый жар стал наполнять помещение. Мишка, вовремя сообразив об опасности, затащил Алексея в кладовку и закрыл дверь. Профессор Раменский остался с ангелом наедине и с упоением подставился под жаркие струи света.

Автодок с безмятежно спящей внутри Софией существо не тронуло. Яростно вспыхнув, оно уменьшилось в размерах и превратилось в крохотную точку. Проникнув внутрь капсулы, зависло над животом девушки, а потом стремительно вонзилось в плоть. Прошло слои кожи, мышц, и оказалось в утробе. Облетев вокруг зародыша, оно выпустило тонкую ножку-лучик, аккуратно присосалось к пуповине и замерло.

Новорождённый ангел был напуган и сильно устал. Найдя безопасное место, он умиротворённо уснул. Его ждала долгая дорога к новому дому. Когда он доберётся, его братья последуют за ним.

– 12... 11...

Алексей тревожно глядел в окошко. Существо, похожее на рваный крест исчезло. У автодока стоял профессор, его одежда дымилась.

– Пусти! – Алексей вырвался от вцепившегося в него Мишки и выскочил из кладовой. – Что с ней?!

Профессор Раменский повернулся. Волос у него не было, уши обуглились. Голова представляла собой сплошную обгоревшую маску, покрытую безобразными ранами. В глазницах подёргивались спёкшиеся кусочки плоти.

– Это прекрасно, – прохрипело чудовище. – Моя дочь станет мамой ангела. Жаль, что я не увижу, как ребёнок будет резвиться в тёплых лучах Солнца.

Кровоточащие потрескавшиеся губы сложились в подобие улыбки. Раменский затрясся в беззвучном смехе.

Алексей смотрел на безумца с ужасом.

– 2... 1... Зарядка батарей завершена. Навигационная система активирована. Пункт назначения задан: Солнечная система, орбита Земли. Требуется подтверждение старшего офицера корабля.

– Вы представляете? – вдруг спросил Раменский. – У нас будет свой собственный ангел. Персональный.

– Раменский, вы сумасшедший! Вы что же... отдали Софию этому?... Этому?!

– Старпом, мы сейчас поджаримся! – Мишка тыкал в сторону уцелевшего дисплея. Огненный вал почти достиг «Пристани». – Дайте команду на старт!

– Ангелы живут на звёздах, вы знаете? – сообщил Раменский. – Наш будет жить на Солнце.

– А потом сожрёт его! – огрызнулся Мишка. – Как звезды Волопаса!

– Предупреждение! Температурные датчики вышли из строя. Высокая степень радиоактивного излучения. Для запуска гипердвигателя требуется подтверждение старшего офицера.

Неожиданно Алексей осознал нечто такое, от чего у него похолодело в груди. Мир вокруг завертелся бешеным волчком и ударил по мозгам так, что дух вышибло. Он вдруг стал ответственным за всё человечество.

На старпома лился поток слов, значения которых были не важны, смысл был понятен и так.

– Нужно валить отсюда! Старпом, дайте команду! Или мы умрём!

Мишка кричал, как всегда, беспокоясь только о своей шкуре. Такие, как он, легко обменяют чужие жизни на свою. «Это не мой выбор. Это Судьба». Боясь ответственности за других, они никогда не возложат на себя это бремя.

– Я проведу ангела в новый мир. Старпом, дайте команду! Или у нас не будет ангела!

Раменский, бросивший «под нож» собственную дочь, восхищался тварями, пожирающими звёзды. Жизнь, его или чужая, всего лишь ресурс. Как можно говорить об ответственности, если он готов уничтожить миллиарды жизней для удовлетворения своего эго.

– Для запуска необходимо подтверждение. Старпом, дайте команду!

Мира плутала в бесконечном лабиринте, высокие стены которого – нагромождения из шаблонов, инструкций и приказов. Покинуть его – значит проявить инициативу и выйти за комфортные рамки программы. Мира требовала у Алексея приказа, прекрасно понимая ответственность.

– Старпом! Старпом! Старпом!

Алексей знал, что такое ответственность. Сейчас это знание сдавило горло, заставляя ручьём литься слёзы.

Что будет, если он позволит себе спасти Софию, носящую его дитя под сердцем? Умрут миллиарды. Ангел со своими дружками выпотрошат Солнце, оно взорвётся, Солнечная система перестанет существовать. Но София и ребёнок будут жить. Возможно, недолго, полгода полёта, но всё же, жить! Не нужно будет принимать решения сейчас, ангел решит за него потом.

Что выбрать?

Убить сейчас? Не много, всего лишь несколько жизней. Или потом? Миллиарды.

А есть разница, когда и сколько?

Бабуля

Андрюша сидит напротив меня в удобном, под стать его мускулистой фигуре кресле. Улыбается, уткнувшись в персональный визиофон.

Зачем он ему? Как будто у него нет вживлённого в мозг нейромодуля.

Хм... Выражение его лица становится серьёзным, даже грустным. Не заболел ли он?!

Ну-ка, где у нас тут интерфейс медицинского модуля? Подключусь-ка я, проверю... Так... Так... Давление, сердцебиение, температура... остальные параметры...

Всё в норме! Слава богу. Я же беспокоюсь.

Андрей серьёзен. Хм... Он по старинке шепчет что-то в микрофон.

Кому сейчас нужны слова, произнесённые вслух, когда давно всё прогрессивное и модное человечество перешло на невербальную систему общения?

Ему нужны. Тому, с кем он сейчас общается по гиперсвязи.

Нет, нет, нет! Ну, конечно, я не буду делать вид, что меня интересует содержание его беседы. Хотя оно меня очень интересует.

И ведь нет никакой проблемы узнать, нужно просто подключиться через административный канал. Но я не посмею. По крайней мере, постараюсь сейчас этого не делать.

Он улыбнулся... Он смеётся...

Ну вот, от сердца отлегло. Совсем, Андрюша, не думает обо мне, старой. Ведь я могу и того... не выдержать... Ой! Не хочу и думать об этом! Кто же тогда о нём позаботится?

Смеётся. Ай, как хорошо!

Хохочет! Очень хорошо!

В Домашней энциклопедии сказано, что смех – это очень хорошо. Проявление человеком эмоций – это очень и очень хорошо. Но старо как мир.

Андрюша такой эмоциональный мальчик. Жаль только не любит передавать их через нейромодуль. Мне было бы гораздо приятнее их воспринимать не визуально, и не с помощью звуковых волн, а напрямую...

Он говорит (тьфу, вот же старьё-то!), что ему так, видите ли, привычнее – разговаривать по-человечески. И смеяться – по-человечески. И плакать... Чур меня, чур!

Увы, не поспоришь с его мнением... Не могу я! А если бы и могла – не стала.

Но я и не спорю. Ретроград он у меня. Он та-ако-ой ретроград! Всё устаревшее, значит, любит.

А мне, значит, приходится за ним весь день ползать и его старинный хлам на место убирать. Флешки, голографические квазидиски, мнемокристаллы. Ну вот зачем они, эти архаизмы цифровой эпохи, нужны?

Не нужны! Достаточно просто связаться со всемирным банком памяти, чтобы получить любую нужную информацию!

Вот что у него там записано? Музыка, видео, другая мультимедиа...

Ой! Слово то какое старинное! Мультимедиа. И откуда я его знаю? Наверное, Андрюша обронил как-то, а я и запомнила.

А вообще, с памятью у меня последнее время туго...

Вот что у него там записано? Музыка, видео... ах да... проще загрузить всё что нужно прямо в мозг. И наслаждаться, без помех и не отвлекаясь ни на что другое.

Андрюша встал. Бросил на столик очки визиофона. Улыбнулся.

Мне?

Как приятно.

Ах-да, нужно будет положить визиофон на зарядку, 10% осталось. Иду-иду...

Куда это он убежал? В уборную?!

У него, наверное, расстройство желудка! Кошмар! Катастрофа! Я даже и не знаю, что и думать. А-а... Это курьер, наглая его бипластиковая рожа, во всём виноват. Точно! Просроченные продукты вчера приволок. Я же говорила, что анализатор барахлит. Говорила! Курьера надо наказать. Да! Фирму поставщика – тоже! Так, где вчерашний лог посещений?

Что такое? Андрюша, зовёт? Ему плохо?! Нужно вызвать врача! Как он странно кричит: «Э, ге, гей». Где же номер центра социальных служб? Куда я его задевала?..

Ах-да... Иду-иду!

* * *

Лицом к большому, во всю стену окну, стоял черноволосый парень. Кроме просторных, разлохмаченных по краям шорт на нём ничего не было. Он с хрустом потянулся, раскинув руки в стороны, и крикнул от удовольствия.

За прозрачным квазипластиком, на фоне раскинувшегося у ног мегаполиса, занимался рассвет.

– Э-ге-гей, Бабуля! Бегом шевели поршнями! – крикнул он весело.

Монотонное гудение, прерываемое жалобными всхлипами металла, донеслось из гостиной. Затем скрежет потихоньку переместился в коридор, обшитый тускло флюоресцирующими панелями.

Робкий, самый первый луч прорезал мглу. Из-за горизонта появился край солнечного диска. Небосвод озарился тёплым светом.

– Ну ты где, рухлядь старая? Пропустишь всё самое интересное, – беззлобно сказал парень.

Чуть прихрамывая на правую ногу, скрипя и подвывая сервомоторами, в комнату вошла роботесса, одетая в простой голубой сарафан. Бесцветные волосы, собранные в круглую гульку на затылке, были аккуратно перевязаны атласной ленточкой.

Она остановилась у окна, чуть позади Андрея. Зрочки стереокамер беспокойно бегали, заставляя вздрагивать обвисшее под глазами покрытие из киберскина.

Парень улыбнулся и показал вдаль.

– Смотри какая красота!

Огненно-рыжий диск показался уже на треть. Дрожащее марево плавило воздух, искажая линию горизонта.

– Сегодня будет замечательный день! – Андрей похлопал роботессу по плечу. – Представляешь, я женюсь! Всё, Бабуля, тебе не нужно больше обо мне заботиться...

* * *

Миллиард операций, совершённых процессором для осознания смысла сказанных человеком слов, трансформировались в одно непостижимо холодное и нестерпимо жгучее:

– Забвение!

Роботесса задрожала, её веки завибрировали, изо рта раздался визг:

– Андрюша...

Не осознавая, что делает, подчиняясь зациклившейся инструкции, она схватила парня манипуляторами.

Не удержавшись на ногах, Андрей и дёргающийся в конвульсиях робот привалились к окну...

* * *

– Мой... Мой... Мой... – повторяла она как заведённая, крепко обнимая изломанное тело. Вокруг блестели в рассветных лучах осколки. А по голубому сарафану медленно расплывались тёмные пятна крови.

Бизнес, ничего более

Красный... Жёлтый... Стас привычно выжал сцепление, воткнул передачу и максимально плавно, насколько позволял его старый рыдван, тронулся. Постоянно подгазовывая, чтобы старый движок видавшего виды москвича не заглох на подъёме, он выехал на перекрёсток и двумя руками налёг на баранку. Серо-зелёный, в бахроме из прогнувшегося металла, автомобиль вывернул навстречу судьбе.

Точнее, повернулся к ней задом.

Здоровенный чёрный джип, вглухую тонированный катафалк, подобно болиду врезался в правый борт Москвича. Грохот удара рукотворным громом разорвал тишину ночной улицы. Кружась и вальсируя, сыпля искрами и битым стеклом, машина Стаса ударилась о блок, разделявший полосы, перелетела его и приземлилась кверху колёсами на тротуаре. Джип, словно не почувствовав преграды, проехал по инерции метров пятьдесят и остановился как вкопанный, зло светя уцелевшей фарой и шипя как разъярённый буйвол.

* * *

За миг до столкновения Стас понял, что ему вдруг стало хорошо, тепло, но почему-то... сыро! Воздух загустел – хоть ножом режь, а звук огрубел, всё вокруг глухо «загудало».

Стас недоумённо оторвал руки от баранки. На протёртом ребристом колесе остались мутно-серые следы. Словно кто-то обвёл кулаки, пальцы и запястья по контуру...

Стас глянул вниз и пошевелил ногами. Контурные муляжные коленки остались упираться в приборную панель. Его тело двоилось!

– Странно... – сказал Стас, больше для того, чтобы услышать свой голос, чем подтвердить факт.

Нормальный такой голос, совершенно спокойный, умиротворённый даже.

Всё хорошо, только вот свет беспокоил и ощущение влаги, как будто Стаса засунули в парную.

Он потрогал лоб. Сухо. Похлопал по джинсам, ощупал ноги – везде сухой, не обмочился и не вспотел даже.

Тем временем скорость мерцания света увеличилась, и появилось ощущение небольшого молотка, стучащегося в переносицу. Очень быстро зрение стало подводить Стаса, мир вокруг превратился в сплошную череду белых и чёрных пятен. Неожиданно вернулся слух. Рёв водоппада обрушился на беспомощного парня и закрутил его в тугом водовороте вместе с окружающим миром.

* * *

Из темноты всплыл образ бородатого Деда Мороза. Он морщил большой красный нос, периодический всхлипывая. Ещё он открывал и закрывал рот, видимо, что-то говорил, но борода мешала разобрать отдельные слова.

Неожиданно он пропал. Его место занял бородатый очкарик, который вполне внятно произнёс:

– Так... повышение мозговой активности... Очень хорошо! Переход зафиксирован. Состояние стабильное. Ещё минута, и он твой.

Бородач исчез. Стас обалдело уставился в потолок. Точнее сказать, на полукруглую прозрачную арку из стекла или пластика.

Откуда-то слева появился ещё один мужчина. Острые черты его лица вызывали неприятные ощущения. Опасение уколоться или оцарапаться.

Остромордый вызывающе спросил:

– Стас Иванович Михеев, 1982 года рождения?

Стас испуганно кивнул.

– Хорошо! – гаркнул его допросчик. – Вот что, Стас Михеев, не будем тянуть кота за яйца.

Через пять минут ты умрёшь!

Стас вздрогнул. Или подумал, что вздрогнул, потому что тела своего не ощущал совсем.

– Спокойно! – продолжил его собеседник, – не мы тебя... Ты попадёшь в аварию. Но мы можем спасти твой разум и тело. Вон там, – он махнул куда-то за плечо, – есть Устройство, которое может телепортировать тебя с места аварии сюда. Хочешь?

Стас ни на секунду не сомневался, что остромордый не врёт. И поэтому утвердительно кивнул.

Мужчина продолжил.

– Не бесплатно, разумеется! Сам понимаешь, услуга специфическая. Да и Устройство жрёт жуть как дохрена энергии. Поэтому для тебя цена будет... – мужчина оценивающе оглядел Стаса, – ...двести пятьдесят тысяч «долларев усд».

У Стаса округлились глаза. Да он и тысячи этих «усд» в руках никогда не держал.

– У меня нет... – начал было Стас, но остромордый прервал его.

– У всех нет. Поначалу... Подумай... Жизнь или каких-то, гм... ну-у... сто тысяч?..

Стас принялся лихорадочно соображать, но при всём богатстве альтернатив вариантов не было.

– Минута, – поторопил его остромордый.

Без вариантов! Даже если продать задрипанную однушку на окраине, Стасу негде было взять таких денег.

– У меня нет столько... – выдавил Стас.

Остромордый зло поморщился и произнёс, обращаясь к бородатому.

– Говорил я тебе?! А ты всё жалко, да жалко. У пчёлки! Ладно, нацеливай Устройство на того хрена... в джипе. А этого гаси нафиг...

Знакомое мельтешение и барабанная дробь в переносице накрыла Стаса.

Сквозь муть всплыл остромордый.

– Извини, парень, это бизнес, ничего более...

Близкие люди

Серебряный колокольчик у входа, потревоженный впервые за много дней, грустно напомнил о себе. Из глубины тёмной пыльной комнаты ему ответил надтреснутый голос.

– Кто там?.. – старческий сип сдавил горло хозяина, он закашлялся.

На фоне мутных, в человеческий рост окон, показалась сгорбленная тень. Из большого, заваленного тряпьем кресла, стоящего напротив погасшего камина, поднялся старик, укутанный в серо-зелёный драный плед. Скрипя половицами и кряхтя, он пошёл к выходу.

День! Колокольчик нетерпеливо звякнул и осёкся, словно испугался самого себя.

– Иду... иду... – ответил старик. Он прошёл мимо груды книг из поваленных стеллажей, тюка с прелой картошкой, подпёртого мешком лука. Перебрался через завал из картонных ящиков с хламом и подошёл, наконец, к массивной двери. Хмуро глянув на стоящий рядом чемодан на колёсиках, старик зазвенел ключами.

Проскрежетал замок, солнечный луч вспорол затхлый сумрак помещения. Толстая цепь скрипнула, не давая двери открыться нараспашку. Ветер, полный шума листвы, запахов полевых цветов и жаркой пыли, раскалённой полуденным солнцем, ворвался внутрь, заставляя ожить воспоминания.

* * *

– Кто там?! – спросил старик, заслоняясь рукой от яркого света.

– Это я, Эйнджи... – донёсся снаружи девичий голос. – Деда,пусти меня.

В светящемся проёме причудливо заиграли тени. Повинуясь калейдоскопу, старик опустил руку.

– Эйнджи?!

– Да, это я!

– Разве сегодня суббота?

– Да, дедушка, сегодня суббота... Я приехала, как и обещала.

Скрипнули несмазанные петли, цепь натянулась.

– Эйнджи, – медленно проговорил старик, смакуя. Морщинистые губы сжались в тонкую линию, он опустил голову.

– Ну что же ты, деда? Открой скорее дверь! – голос за дверью притворно погрузнел. – Или ты не рад мне?!

– Тебе лучше уйти, Эйнджи... Я никуда не поеду...

Старик начал закрывать дверь. Преодолевая внутреннее противоречие, он упрямо толкал отполированное временем дерево. Свет угасал, тьма возвращалась в свои владения.

– Деда?! Нам нужно ехать. Тебя ждут в приюте! Впусти меня...

– Уходи... – отрезал старик.

Колокольчик поддакнул старику, а девушка затараторила.

– Там тебе будет лучше! Почему ты никогда не слушаешь меня?.. Впусти меня!

Старик медленно, упрямо, преодолевая себя, давил на дверь. Щель в дверном проёме продолжала сжиматься, теряясь в сгущающейся тьме. Звон колокольчика, слабый, но набирающий силу с каждой секундой, вторил скрипу петель.

– У-хо-ди... – прошептал старик.

Глухой удар о косяк сотряс массивную дверь. Быстрые нервные тени пробежали по угасающей полоске, чередой света и тени породила контрастные лучи, в которых вспыхивали пылинки.

– Впусти! Зачем тебе дом? Ты всё равно скоро сдохнешь! Сдохнешь тут... один...

Ухнул новый удар, что-то заскрипело, зашуршало, словно кто-то потёр наждачкой по металлическому листу. Неистово затрещив колокольчик, выводя старика из ступора.

– Уходи прочь! – выплюнул старик и сделал шаг назад. Повернулся. Его рот оскалился, глаза беспокойно заматались по заваленной мусором комнате. Полный решимости, он бросился вглубь.

* * *

– Кха-кхха-а... – голос девушки сменился несвязным клокотанием.

Колокольчик, выдираемый со своего места вслед за прочной верёвкой, жалобно взвизнул. Нечеловеческая сила сорвала хлипкую внешнюю дверь с петель. Внутренняя массивная дверь распахнулась на всю длину цепи, разрезая светом тьму.

В щель, хрипя и чавкая, протиснулось нечто, напоминающее человека. Сизая, покрытая струпьями кожа. Жёлтая масса, текущая изо рта. Сколотые зубы, крошащиеся и кривые. Чёрный, словно обугленный нос. А в глубине глазниц недвижимые белёсые комки.

Существо стремилось попасть внутрь, тянулось рукой к старику, не обращая внимания на цепь. Над спутанными волосами мелькнула тень. Ещё одно существо возникло в проёме и засунуло костлявую руку. Позади хрипело третье.

Старик вынырнул из темноты, перезаряжая охотничий карабин. Он расправил плечи, словно сбросил десяток лет, как тряпье, в которое кутался, и смело направился к двери. Почуввав желанную плоть, уроды задёргались, сиюминутно протиснувшись внутрь. Цепь, держащая дверь, глубоко вошла в первого, грозя разделить его пополам под натиском напирающих сзади.

Старик поднял карабин, на мгновение унял хриплое дыхание, и нажал на спусковой крючок. Не успел прогреметь выстрел – хруст лобной кости, кажется, прозвучал раньше, как тяжёлая пуля вонзилась в голову мертвеца. Существо обмякло, голова развалилась, облив гнилой жижей дверной косяк.

На месте убитого появился другой. Карабин выстрелил ещё раз. Старик, пока не появилась новая тварь, подошёл вплотную к двери. Он изо всех сил упёрся в неё, но вместо того, чтобы запереть, снял цепь и распахнул настежь.

Тела ввалились внутрь. Ещё «живой» третий мертвец рухнул следом. Старик перескочил грудой тел, едва не поскользнувшись, и вышел наружу. Изломанные, разбухшие и наоборот – иссушённые, со всех сторон к дому шли мертвецы. Поднятые неведомой силой, холодные полуразложившиеся трупы жаждали только одного – впитаться в дряхлое, но всё ещё живое тело старика.

Убив ближайшего мертвеца – толстяка в грязном комбинезоне, старик поспешил к большому клёну, недалеко от входа. К толстому стволу проволокой была примотана девушка. Голову она уронила на грудь, а светлые длинные волосы висели грязной паклей, скрывая лицо.

Старик подошёл ближе. Пленница вздрогнула и попыталась выдернуть руки, туго скрученные за стволом. Когда она подняла голову, оказалось, что нижней челюсти не было, как и языка. Из разорванного горла сочился гной.

Пустые глазницы уставились сквозь старика безразличным взглядом.

Старик замешкался, опустил карабин. Но потом решил, поднял бежевую дамскую сумочку и резким движением вытряхнул её содержимое на землю.

Среди множества безделушек оказался сложенный в несколько раз рекламный проспект.

– «Близкие люди» – лучшее место в конце вашей жизни, – прочитал старик.

Он перевернул листок, искал глазами адрес, хмыкнул и негромко сказал:

– Пожалуй, я всё-таки воспользуюсь твоим предложением... Эйнджи!

Вызываю огонь на тебя

21 августа 2031 наступил конец мира в том виде, в каком мы его знаем. В попытке завладеть оставшимися полезными ископаемыми, коалиция западных стран развязала новую мировую войну.

Ракеты с ядерными зарядами обрушились на густонаселённую часть России. Системы ПВО оказались перегружены, в ответ полетело всё, что было заготовлено со времён холодной войны и создано в веке нынешнем. Европа уже пылала, охваченная всепоглощающим ядерным пожаром, когда боевые части ракет стратегического назначения ещё только разделялись на подлёте к Америке. Началась война на истребление. Видя, как гибнет многовековой враг, масло в адский костёр подлил Китай. Корея покончила с другой. Пакистан обменялся ударами с Индией. Островные государства накрыло многометровой волной цунами. Радиоактивные осадки выпали даже в Австралии. Слой пепла, поднятый в атмосферу ядерными взрывами, окутал Землю непроницаемым саваном. Над миром начали сгущаться сумерки ядерной зимы.

Для выживших это было только начало.

* * *

Было лето, на небе ни облачка. Полуденное Кубанское солнце пекло, как в последний раз.

Старшему лейтенанту мотострелковых войск Артёму Шубину очень крупно повезло оказаться в тот жаркий день в «командировке». Он и пятеро срочников трудились на строительстве дачи командира части полковника Свинчева. Кривоногий, начинающий лысеть толстячок с красным лицом, приплюснутым носом и пороссячими глазками оправдывал свою фамилию.

– Значит так, старлей, – сказал он, усаживаясь за баранку потрёпанного «Хайлэндера», – я в часть, может быть, задержусь. Привезут шлакоблоки – чтоб им пусто было, так задерживаться, – проверь и прими, как положено, иначе капитанских погон тебе не видать. И чтобы бойцы не халявили! Понятно?

– Так точно, товарищ полковник! – Артём козырнул, преданно пожирая взглядом командира. Хотя мысли его были совсем другие: «Раньше позднего вечера полкан точно не вернётся, машина с завода тоже, значит, можно будет часок-другой спокойно покемарить в теньке».

– Ну, бывай! – махнул Свинчев на прощанье и укатил по пыльной извилистой дороге, петляющей вдоль русла пересохшей реки.

Проводив взглядом удаляющийся автомобиль, Артём направился к бойцам.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите перекур? – спросил рослый, чернявый сержант Заур Батыров. – Мы тут это, всё! – он указал на длинный ряд вкопанных в землю бетонных столбиков с чугунными ушками. Рядом с ним стояли бойцы его отделения: Саша Семёнкин – длинный и худощавый, как скелет; Армен Закарян – смуглый, как Заур, только всегда хмурый; Андрей Светлицын – лопухий, веснушчатый, рыжий как апельсин, и розовощёкий очкарик Миха Кудельман.

– Ну ладно, разрешаю, – важно заявил Артём. – Пятнадцать минут. Только воды наносите, – он показал на пустой пластиковый бачок с краником, заменявший рукомойник.

– Есть! Отделение, разойдись, – скомандовал Заур, и бойцов как ветром сдуло. Семёнкин ускакал с ведром к колодцу, Кудельман – в туалет в дальнем углу участка, остальные дружно повалились на траву в тени небольшой пристройки. В ней как раз Артём и планировал передохнуть.

– Приедет машина со стройматериалами – разбуди, – наказал он Зауру и пошёл в сарай.

Спустя пару минут Артёму снилась зима. Будто он стоит высоко на обрыве над замёрзшей рекой, глядит вдаль поверх заснеженной тайги. Начинается пурга. Деревья-великаны скрипят,

жалуясь на снег. Колючий ветер зловеще свищет в их ветвях. Над тайгой разносится голодный волчий вой.

Сибирь – суровый край. На Кубани всё по-другому: жарко, сытно, развязно.

С устрашающим рёвом, оставляя в воздухе дымный след, над лесом проносится жгучая точка. Яркая вспышка озаряет небо, а по земле идёт дрожь.

Артём отступает на шаг и заслоняется от струящегося света.

Он жаркий, и невыносимо слепит. Снег на ветвях мгновенно тает, исходит ледяным дождём. Вместе с громом далёкого взрыва приходит взрывная волна. Земля под ногами горбится, крутояр рушится, Артём летит в стылую воду в мешанине грязи и снега.

Артём свалился во сне с лавки и теперь сидел на утоптанном земляном полу, обалдело уставившись на яркий струящийся свет, бьющий сквозь щели в стене сарая. Всё вокруг тряслось, как в лихорадке, и брнчало, а из-под земли шёл гул.

Дверца резко отворилась, в проёме возник Заур с перекошенным от страха лицом.

– Товарищ старший лейтенант, там это... – он судорожно сглотнул, – *арв срухс!* (небо засветилось, осет.).

За его обритой наголо макушкой полыхала заря.

Артём вскочил и еле устоял на ногах. Оттолкнув с пути Заура, выскочил на улицу. Кипя грязно-буро-серыми облаками, на юге вставал гигантский гриб. Он занимал полнеба, но всё рос и рос, втягивая в своё раскалённое ядро гигантский столб дыма и пыли.

– Твою мать! Это ... – старлей не договорил, налетевший порыв ветра буквально сбил его с ног и прижал к стене. Сколоченная из тонкого бруса сарайка ходила ходуном. С полковничьей дачи сдуло крышу. Треугольный каркас пролетел с десятков метров, словно бомбардировщик, роняя черепицу, и грохнулся о землю. Фасад из дорогого красного кирпича треснул. Полиэтиленовую плёнку, заменявшую на время стёкла, с громкими хлопками повырывало из всех проёмов.

По всему посёлку слышался звон бьющегося стекла, грохот и испуганные крики.

Артём туго соображал, что произошло. В ушах стоял глухой шум от перемены давления, и он усиленно зевал, разевая рот, как рыба на песке. Наконец в голове что-то щёлкнуло, и слух восстановился. Среди гула, похожего на рокот далёкой грозы, он различил чьи-то крики.

Семёнкин, стоя на четвереньках, мотал головой и испуганно причитал:

– Ничего не вижу! Глаза! Мои глаза!

Рядом сидел Светлицын, с глупым выражением на лице пялился на ядерный гриб. Закарян, ещё более хмурый, чем обычно, что-то непрерывно бубнил на армянском. Кудельман нервно вертел в руках разбитые очки.

Спотыкаясь, Артём подбежал к Семёнкину.

– Саша, Семёнкин, слышишь меня? Что с тобой?

Услышав голос Артёма, парень вцепился в его руку, как в спасательный круг. Он уставился куда-то мимо Артёма и заканючил:

– Товарищ старший лейтенант, это вы? Ох, худо мне! Ничего не вижу! Ничего! Глаза... Жжёт... Больно!

Подошёл Заур.

– Мы все за сараем были, когда полыхнуло. Вспышку не видели, а этот *г`ела* (дурак, осет.), видимо, посмотрел.

Перед мысленным взором Артёма пролетели давно забытые лекции по защите от оружия массового поражения. Основные поражающие факторы ядерного взрыва: ударная волна, световое излучение, проникающая радиация и электромагнитный импульс. Понятно, рядовой спалил себе сетчатку. Артёма могут и под суд отдать за это... Какой, нафиг, суд?! Это же, чёрт возьми, ядерный взрыв! Вот он, по небу расплывается, ядерный, мать его так, взрыв! Гриб

уже оторвался ножкой от земли, вытянулся по вертикали и медленно уползал куда-то правее. Остынет совсем и выпадет радиоактивными осадками.

Артём зажмурился и помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения. Но облако никуда не делось. Зато далеко на юге что-то сверкнуло, будто далёкая молния осветила горизонт. А через несколько секунд там тоже вырос ужасающий гриб.

– Ребята, – голос Артёма предательски осип, – это же война!

Бойцы ошарашенно уставились на командира. Даже ослепший Семёнкин глядел страшными белесыми зрачками, словно заглядывал в душу.

– Какая война? – спросил он тихо-тихо.

– Последняя, – ответил Артём.

* * *

После того, как прошёл первый шок и пришло осознание произошедшей катастрофы, Артём первым делом сделал Семёнкину повязку на глаза. Потом достал мобильник и попытался связаться с частью. Телефон не работал. Мобильники ни у кого не работали, даже не включились, – из-за электромагнитного импульса погорела вся начинка. Только у Кудельмана его счастливая, древняя, как шерсть мамонта, кнопочная «Нокия» чудесным образом выжила, но сеть всё равно не видела.

Пройдя по ближайшим домам, бойцы ничего нового не узнали. Народ пребывал в лёгкой панике, но не истерил. Дворы порушены, но не сильно, света нет, мобильной связи нет, радио не работает, машины не заводятся. Один старый рыдван конца прошлого века, всё же завёлся. Но у хозяина его тут же выкупил за ящик водки какой-то скользкий тип. Помочь отвезти Семёнкина в часть он отказался, погрузил чемоданы и спешно уехал.

Травмпункта, а тем более больницы, в крохотном посёлке на тридцать домов, не было. Был аптечный киоск, но оказался закрыт. После всего случившегося, продавщица, ожидаемо решила бежать спасать домашнее имущество.

Вернуться в часть было необходимо, поэтому Артём приказал сделать носилки для Семёнкина из чего-нибудь подходящего. Но передумал, пятнадцать километров тащить несподручно. Резонно решил оставить его у бабки Агафьи, соседки полковника. Просто больше никого другого в посёлке он не знал. А дородная бабка Агафья иногда просила полковника «подсобить ребятушками».

Ослепшего Семёнкина привели к Агафье, та дала ему в качестве успокоительного самогонки и уложила спать.

– Это что же, касатики, теперь делать-то, а? Света ж нету! – причитала старая женщина, то хлопоча над постанывающим во сне Семёнкиным, то указывая через окно на порушенный сарай, то сокрушённо хлопая руками по бёдрам перед мёртвым телевизором. Война-войной, а сериал по расписанию.

– Бабуль, ты не переживай, – уверил её Артём, – скоро МЧС-овцы приедут, всё наладят. Просто, наверное, в других местах порушило больше. Ты, главное, за парнем пригляди. Мы в часть, как доберёмся, так сразу машину за ним пришлём. Нам бы еды какой, а?

Пока бабка собирала на стол, бойцы поправили покосившиеся ворота и, как могли, подпёрли сарай. Без лебёдки больше ничего сделать было нельзя.

Пока ели – думали, как быть дальше.

Во-первых, выяснили, что идти в часть бессмысленно и даже опасно. Артём не без оснований предположил, что ядерный гриб, который они видели, возвышался на месте их родной части. Именно в том направлении укатил полковник, да и расстояние подходящее – около пятнадцати километров. Мощность определить он не мог, но ясно было, что по характеру гриба взрыв наземный, и что хватило его с лихвой. Артём с грустью вспомнил знакомых офицеров.

Светлицын предложил почтить память погибших, но Артём строго-настрого запретил устраивать какие-либо пьянки. Не до того. Война.

Во-вторых, решили, что оставаться в посёлке нельзя, надо пробиваться к своим. Понять бы только, где свои и куда пробиваться. Война ядерная, куда попало не пойдёшь – нахватаешься радиации без дозиметра и помрёшь в мучениях. Отсидеться тоже не получится – совсем скоро, из-за всеобщего упадка и отсутствия снабжения, жрать будет нечего. В условиях ядерной зимы огородам не обойдёшься, а дичь в окрестных лесах не водится.

В-третьих, не ровен час, бомбёжка повторится. Артём помнил из лекций по тактике, что обмен ядерными ударами может продолжаться несколько суток. Сначала поражаются особо важные цели: стационарные пусковые шахты, места базирования подводных лодок и кораблей, мобильные ракетные комплексы, крупные города, правительственные бункера. Потом удары наносятся по площади: утуются всё, лишь бы враг не смог оправиться и нанести отложенный удар. Всем им и так очень повезло пережить почти без потерь первый удар, а ведь могли бы по плану маршировать. Ещё повезло, что ветер унёс радиоактивное облако в сторону. Мог бы сюда, и были бы они одной ногой в могиле. Бомбоубежищ-то нет! Элементарных противогазов нет, не то, что более серьёзных средств защиты.

Итого, нужно искать надёжное убежище, желательно глубокого залегания, где будет солидный запас пищи, снаряжение, оружие, командование или представители власти, в конце концов. Вокруг Ставрополя много военных частей, могли быть и непростые. Если кто из старших офицеров и выжил, то только там.

Решили выйти завтра пораньше, переночевав в полуразрушенной даче командира части, а пока – предупредить местное население об опасности заражения и повторной бомбардировки, ну и раздобыть еды в дорогу.

Собрались через два часа у дачи. Не жадный в общем-то люд помог продуктами, но на предупреждение – дружно махал руками. А куда уходить отсюда? Некуда!

Бойцы добыли немного овощей, хлеба и консервов. Две дюжины яиц дала бабка Агафья. Кудельман притащил кулёк конфет и пачку чая в пакетиках. Артём нашёл на даче фонарь, автомобильный атлас, два больших, но тупых ножа, котелок и несколько пластиковых бутылей для воды.

Из атласа Артём узнал, что до Ставрополя почти двести километров. Путь на машине занял бы четыре часа, пешком придётся идти четыре дня. Появилась первоочередная задача: раздобыть транспорт.

* * *

Проснувшись первым от утренней петушиной переклички, Артём разбудил остальных. Небо нависало хмурым серым полотном. После вчерашней жары сегодняшнее утро казалось прохладнее обычного.

Полчаса потратили на умывание и завтрак, состоящий из варёных яиц и чая со сгущёнкой.

Выйдя на единственную улицу, идущую через весь посёлок, Артём напоследок оглянулся. Всё вокруг казалось таким мирным, словно и не было никаких ядерных взрывов. Вяло брехали собаки, кудахтали куры, на заборе бабки Агафьи сидел полосатый кот. Лениво зевнув, он спрыгнул на землю и важно ушёл за угол.

Когда последний двор скрылся за невысоким холмом, они наткнулись на старый ЗИЛ, гружённый стройматериалами. Давешний полковничий заказ. Машина стояла посреди дороги с открытой водительской дверью. Водитель ушёл, оставив бесполезные попытки завести грузовик.

По пути встретилось ещё с десяток брошенных автомобилей. В некоторых ключи торчали в замке зажигания, и Светлицын попробовал завести машины. Стартер крутил, но двигатель не схватывал.

Через два часа добрались до развилки, которую Артём отметил заранее на карте. Дорога, уходящая налево, вела к селу Серафимовское, рядом с которым располагалась воинская часть. Точнее, к их остаткам. Вокруг сплошь поля – видно далеко: на месте части виднелось марево, воздух дрожал и плыл, как над расплавленным асфальтом. Глядя на это, Артём, тем не менее, почувствовал холодную дрожь.

За сегодня предстояло пройти около пятидесяти километров. Добраться до городка Благодарный, и, если не повезёт с транспортом до Ставрополя, в нём переночевать. Однако Артёму не верилось, что его бойцы осияют переход. Кудельман уже натёр ногу и хромал, остальные выглядели уставшими.

Сделав десятиминутный привал, повернули в сторону села Мирное. Через три часа были там, совершенно измотанные, голодные и злые.

Оказалось, что в Мирном есть свет, работает магазин на автобусной остановке и продуктовый ларёк рядом с ним. Мобильный Кудельмана поймал сигнал сети, но дозвониться никуда так и не получилось. В промторге еды не оказалось, а в ларьке осталась только мелочь, типа жвачки и тик-така. Продавщица – женщина неопределённых лет – на вопросы Артёма ответила, что народ скупил все продукты и алкоголь ещё вчера, теперь сидит по домам, ждёт спасателей, военных, или хоть кого-нибудь. Она тоже ждёт, мужа. Он уехал утром за товаром в Благодарный. Должен был вернуться уже. Предложила купить водки из-под полы, Артём вежливо отказался.

– Я поначалу думала, что вы и есть спасатели, – заявила продавщица. – А потом гляжу, солдатики, несчастненькие такие...

– А радио работает? – поинтересовался Артём. – Телевизор? Может быть, правительственное сообщение передавали?

Она покачала головой.

– Ни черта не пашет со вчерашнего утра. Ни радио, ни телевизор. Даже спутниковая тарелка.

Артём поблагодарил женщину и вернулся к своим. Бойцы развалились под навесом автобусной остановки на отдых. Пыльные, мятые и не выспавшиеся, они походили на цыган, устроившихся табором.

– Ну что там, товарищ старший лейтенант? – спросил Заур, подымаясь.

– Ничего хорошего! Связь пропала вчера утром, значит, враг бил сначала по центральным районам. Москвы, вероятно, больше нет...

Они перекусили, набрали воды на колонке и продолжили путь, несмотря на постоянное нытьё Кудельмана из-за мозолей. Через три часа добрались до заброшенного села Алексеевское. Над снулыми домиками стояла мёртвая тишина, от которой становилось не по себе.

Передохнули немного у дороги и пошли дальше. До Благодарного осталось чуть больше десяти километров. В городе был авто- и железнодорожный вокзал, и Андрей надеялся найти там попутный транспорт до Ставрополя.

Через час Кудельман остановился посреди дороги:

– Всё, товарищ старший лейтенант, хоть расстреливайте, не могу больше. Ноги...

Пришлось остановиться на очередной привал. Отряд с удовольствием повалился на придорожную траву. Артём и сам был рад, с непривычки пройти почти сорок километров за день было сложно. Кудельман, кривясь и охая, стащил берцы и стянул носки. Ноги оказались стёрты до крови.

– А я тебе говорил, не одевай носки, – пожурил Заур. – Портянки лучше!

Неожиданно послышался слабый гул, который стремительно превратился в многоголосый рокот. Небо с юга на север перечеркнули инверсионные следы быстро летящих ракет. Вдалеке сверкнуло, а потом пришёл запоздалый гром разрывов. Бомбардировка продолжалась.

– Мать вашу! – в сердцах выругался Артём, с каждым ударом страна всё больше превращалась в радиоактивную пустошь.

– Заканчиваем перекур!

Почти три часа шли молча, даже Кудельман не ныл, хромал с завидной целеустремлённостью. Рокот ракет они слышали ещё несколько раз. Однажды видели реактивный самолёт. Сушку. Родина, похоже, ещё сопротивлялась.

Смеркалось. До Благодарного оставалось километров пять, за небольшим пролеском были видны его огни. Неожиданно, словно черти из табакерки, из брошенного, на вид УАЗ-452 «буханка», стоящего у обочины, выскочили трое. Вспыхнули фары, водительская дверь распахнулась, средняя отъехала в сторону, отряд взяли в полукольцо вооружённые люди. Водитель – невысокий коренастый парень лет двадцати пяти, встал посередине. Он был вооружён «Макаровым», который держал демонстративно небрежно. У двух жлобов были полицейские АКС-74У со складными прикладами. Все трое коротко обриты, с тяжёлым напряжённым взглядом, похожи на уголовников. Парень в центре держался так, словно был за главного. Артём определил его мысленно, как Бригадир.

– От те на, погоны?! – притворно удивился Бригадир. – Куда путь держим?

– К своим, – ответил Артём.

– К своим, своим, своим, – передразнил его Бригадир. – А нету теперь никаких своих. Кончились. Есть только наши. Ты чоли старшой? – Он с вызовом уставился на Артёма.

Артём молча кивнул, пытаясь придумать, как выйти из сложившейся ситуации. Трое, похоже, отморозки, могут и пристрелить.

Бригадир цвиркнул сквозь зубы и зло спросил:

– Волыны есть?

– Оружие? Нет.

– А если найду? – Бригадир засмеялся бородатой шутке и, не дожидаясь ответа Артёма, кивнул подельникам: – А ну-ка, прошмонайте их!

Жлобы быстро нашли оба ножа и, ухмыляясь, встали на свои места.

– И это всё? – удивился Бригадир. – Не густо. А чё там ещё?

– Остальное – хавка, – ответил один из жлобов.

– Пригодится! Ты возмёмшь. Фуфел, салабонов в тачку, Шакро решит, что с ними делать.

Второй жлоб подошёл поближе к Артёму:

– Слышал, старлей? Командуй давай! И без шуток! – он красноречиво дослал патрон в патронник.

Делать было нечего, пришлось подчиниться. Но не успел Артём произнести и слова, как из-за деревьев раздался негромкий сухой звук выстрела. Голова Бригадира лопнула, как перезрелый арбуз, и он кулем повалился на асфальт, выронив «Макарова». Крикнув своим: «В укрытие», Артём рванул к обочине. Уголовники бросились к «буханке». Один из жлобов почти успел спрятаться за машиной, но раздался новый выстрел, пуля ударила в спину. Он коротко вскрикнул, упал ничком и медленно заполз за колесо. Фуфел на бегу дал очередь через плечо и заскочил-таки в «буханку» в боковую дверь.

Сколько Артём ни вглядывался в тёмный лес, неизвестного стрелка так и не увидел. Зато наткнулся на неподвижный взгляд Бригадира. Тело лежало в паре метров от обочины, из раны в голове натекла большая лужа крови, на краю которой валялся «Макаров». Подождав немного, Артём пополз к Бригадиру, в надежде завладеть пистолетом. Когда осталось только руку протянуть, раздался очередной выстрел, и пуля выбила сноп искр из асфальта в полуметре от лица Артёма. Фуфел, наверное, этого и ждал. Он засёк, откуда был произведён выстрел, высунулся

из «буханки» и принялся поливать очередями в том направлении. Новый выстрел раздался совсем из другого места. Пуля попала жлобу точно в лоб, и он молча вывалился наружу.

Пару минут ничего не происходило, Артём даже решил, что неизвестный снайпер, сделав работу, попросту ушёл. Но неожиданно услышал насмешливый голос у самого уха:

– Подъём, служивый.

Над ним нависла двухметровая фигура в камуфляже «цифра». На ногах мягкие «натовские» берцы, на груди лёгкий бронезилет и удобный разгрузник с кучей кармашков. В руках здоровяк держал какое-то редкое оружие. Когда Артём поднялся, то разглядел – это был крупнокалиберный автомат АШ-12 с трёхзарядным подствольным гранатомётом. Спецназовский, не иначе. У «буханки» стоял ещё один человек в «цифре», но не такой здоровый. На руках он баюкал камуфлированную СВУ-АС с оптическим прицелом. Он пнул жлоба, лежащего у колеса, тот застонал. Тогда снайпер достал из кобуры пистолет и выстрелил. Жлоб дёрнулся и замер.

– Не хочу показаться банальным, старлей, – прогудел спец с АШ, – но всё же, кто вы такие, куда путь держите?

Великан с ухмылкой на грубом, словно из камня тёсаном лице уставился бесцветно-серыми глазами на Артёма.

– Артём Шубин, – он протянул удостоверение. – Вэ-Чэ 98304. Подверглась тактическому ядерному удару. Со мной уцелевшие, идём в Ставрополь. Хотели в Благодарном на ночлег остаться.

– Дезертиры?

– Да нет, просто счастливое стечение обстоятельств.

– Счастливицы, значит. Понятно. А зачем в Ставрополь?

– Штаб округа был там. Связи нет, ЦУ нет, куда ж ещё идти?

– Логично, – великан хмыкнул. – Вот что, счастливцев, я тебе верю. Только ты в Благодарный не ходи, не надо. Люди там плохие обосновались, сам видишь, – он пнул труп Бригадира. – Уголовники из Гремучего. Это зона чуть западнее. Начзоны как грибы на горизонте увидел – психанул, и приказал всех выпустить. Зеки охрану тут же смяли, оружие отобрали и в город ломанулись. Полицейских постреляли, мэра повесили, объявили себя властью. Девочек в бордель, остальных рабами назначили.

– А вы, значит, мимо проходили?

– А мы, значит, да. Проходили.

Артёму крупно повезло. Опять. У спецов тут задание, но они пришли на помощь.

– Спасибо, что помогли!

– Да не за что, старлей! Мы действительно шли мимо. Но всем, кто в беде, помогаем. По-другому же нельзя. Сейчас вот в город зайдём, всем тамошним добрым людям поможем. А чтобы быстрее было – на машине поедем. Ты, конечно, не против, если я «буханку» и оружие заберу?

Артём замялся, у спецназовцев своего полно, могли бы поделиться.

– Бери... конечно... Мы можем чем-то помочь?

– Нет, нет, спасибо! – Великан иронично улыбнулся. – Мы сами. Скажи своей пехтуре, пусть поднимаются, а то земля холодная, отморозят чего-нибудь. Виталья, заводи! Ну бывай, старлей!

У машины великан ещё раз предупредил:

– В город не ходи.

Спецы уехали, не включая фар. Закарян и Заур стащили трупы бандитов с дороги и проверили содержимое карманов. Из полезного нашлись только ручной фонарик и два магазина для «Макарова».

– Может, закопать? – спросил Заур, кивая на тела.

– Нет, – ответил Артём, – времени нет. Да и нечем.

Ему не давали покоя слова великана: «Мы всем, кто в беде, помогаем». Страна в руинах, война идёт, не до захудалого городишки. Вряд ли спецы такого уровня отвлекались на каких-то там уголовников. И уж очень настойчиво великан внушал Артёму про опасности города.

– Мы пойдём в город, – объявил он бойцам решение. – Там может быть опасно. Но нам нужен транспорт и ночлег. Найдём поскорее машину и уберёмся. Выдвигаемся!

Никто из бойцов роптать не стал, перспектива заночевать посреди поля не впечатляла.

Вскоре они были на окраине Благодарного. «Буханка» неожиданно нашлась в кустарнике. Ключи торчали в замке, а в салоне на полу валялись оба автомата, несколько магазинов к ним, и «Макаров»! Не совсем понимая, чем руководствовались спецы, Артём, тем не менее, мысленно поблагодарил их.

Светлицын плюхнулся на место водителя, повернул ключ, и машина, помаслав стартёром, завелась.

В этот же момент со стороны центра послышался шум боя. Грохнул взрыв, зазвенели разбитые стёкла, запиликали автосигнализации. Вразнобой застрекотали «Калашы», карабины и, кажется, охотничья винтовка.

Светлицын задом выехал на дорогу и развернулся в противоположную от города сторону. Артём высунулся из окна.

– Похоже, спецназ попал в передрагу...

– Неправильно это, – сообщил Заур. – Они нам помогли. Нужно им помочь. Что мы словно *таептуды* (трусы, осет.) какие?

Артём оглянулся на бойцов. Заур был полон решимости, Закарян выглядел растерянно, а Светлицын удивлённо.

Кудельман, понимая, к чему идёт, испуганно замотал головой.

– Нет, нет, нет! Товарищ старший лейтенант, мы же не поедим туда? Машину нашли. Пора валить!

Стрельба не утихала. Ещё один взрыв потряс город. Среди автоматных очередей чётко выделялись редкие раскатистые выстрелы крупнокалиберного АШ-12.

– Их слишком много, – сказал Артём. – Я различаю с десятков автоматов. Нужно помочь.

– Они профессионалы, – сообщил Кудельман. – А мы нет! И как мы им поможем? У нас всего два автомата на пятерых!

– Ну и оставайся, – бросил Заур презрительно. – *Ус!* (баба, осет.)

– Чё ты сказал?

– Так, успокойся! – Артём пресёк перепалку. – Идём добровольно.

Заур взял автомат и два рожка, передал Артёму, второй АКСУ и оставшиеся магазины забрал себе.

– Товарищ старший лейтенант, – Светлицын всё ещё сомневался, – а вдруг они нас обманули? Может быть, они не спецназ никакой, а сами уголовники?

– Нет причин им не верить. Итак, кто идёт? Заур, понятно. Закарян?

Тот молча кивнул.

Кудельман прошептал:

– Не-ет, это самоубийство!

Светлицын решил:

– Я поведу машину. Дайте Армену пистолет, пусть прикроет в случае чего.

Высадив Кудельмана, Светлицын развернул «буханку» и медленно повёл её к центру города. Не успел он проехать и десяти метров, как Кудельман догнал машину и попросился обратно. Выпросил себе нож и забился в дальний угол салона.

Стрельба то затихала, то становилась интенсивнее. Среди автоматной трескотни появился новый звук: размеренный стук КПВТ. Крупнокалиберный пулемёт мог оказаться непреодолимым препятствием.

Светлицын вывернул за угол, и «буханка», считай, оказалась в центре поля боя. За плотной вереницей легковых автомашин, у магазина «Стройматериалы» засела целая толпа бандитов. То и дело какой-нибудь уголовник вылезал из-за укрытия и неприцельно выпускал пару очередей по двухэтажному зданию через дорогу. Кафе «Легенда» зияло дырами разбитых витрин, стены похожи на решето. Спецназовцы закрепились на верхнем этаже и скупно, но результативно, отстреливались. На подступах валялись трупы бандитов.

Соображать пришлось молниеносно. Артём отдал автомат Закаряну, забрал «Макарова» и сообщил:

– Значит так, имитируем штурм! Бандиты должны принять нас за своих. Ты, Светлицын, с шумом и на всех парах несёшься ко входу в кафе. Спецназ выходит, и ты сваливаешь. Заур, Армен, по моей команде ставите заградительный огонь. Понятно? Погнали!

Светлицын не мог решиться секунд тридцать, потом всё же ударил по газам. «Буханка», взвизгнув покрышками, понеслась по дороге, непрерывно гудя и сверкая фарами. Опешившие бандиты действительно прекратили обстрел, подумав, что какие-то отчаянные ребята пошли на прорыв.

Машина остановилась у входа, и оставалось только надеяться, что спецназовцы всё же сообразят, что делать. Артём помог, выкрикнув:

– Это я, Счастливец!

Со стороны бандитов послышались недоумённые окрики. Кто-то выстрелил, пуля срикошетила о фонарный столб.

Светлицын высунулся в окно и закричал, подражая Бригадиру:

– Слышь, братва, не кипишуй! Ща мы завалим этих потцев!

Артём дважды выстрелил из пистолета в воздух, высунув руку через окно.

Спектакль подарил несколько драгоценных секунд.

В рядах уголовников появился какой-то человек в чёрном плаще. Он оценил обстановку, что-то скомандовал. Бандиты вылезли из-за укрытий и прикрывая друг друга, мелкими группами на полусогнутых побежали через дорогу.

Наконец, в разрушенном зале кафе появился высокий силуэт в «цифре». Великан шёл, поддерживая мужчину в дорогом сером костюме с перебинтованной головой. За ними, чуть прихрамывая, снайпер Виталья.

Их заметили. С воплями, бандиты открыли огонь по кафе.

В ответ, разбив прикладами стёкла машины, бойцы принялись поливать автоматными очередями уголовников. Виталья, стреляя навскидку из винтовки, поддержал огнём.

Матерясь, уголовники залегли. Человек в плаще спрятался за автомобилем.

Добравшись до «буханки», великан буквально швырнул мужика в салон, а потом залез сам.

В следующую секунду заработал КПВТ. Крупнокалиберные пули прошили борт «буханки» наискосок, от заднего бампера до крыши над водительским сидением, мгновенно убив при этом Кудельмана и Закаряна. Зауру обожгло ухо, он чудом остался жив.

– Ходу! – рявкнул великан.

– А как же он? – Светлицын указал на снайпера.

– Мать твою, ходу! – В его руке оказался пистолет. – Пристрелю!

«Буханка» сорвалась с места, оставляя прикрывавшего их Виталью одного в разбитом кафе. Мужчина в сером разлётся на полу, прикрывшись трупом Кудельмана. Великан уселся в углублении у боковой двери.

Очередь из КПВТ, выпущенная вдогонку, превратила в решето задние двери. Тяжёлые пули с воем прошли над великаном, разворотили спинки передних сидений, вспороли потолок и разбили лобовое стекло. Артёма не задело чудом, а вот Светлицину не повезло. Правое плечо буквально взорвалось кровавыми брызгами. Он вскрикнул, испуганно уставился на страшную рану и принялся заваливаться на бок. Артём еле успел перехватить рулевое колесо и спасти машину от столкновения с бетонным столбом.

– Держи газ! – орал великан в ухо слабеющему Светлицину. – Не убирай ногу!

А изрешечённая пулями, заляпанная изнутри кровью, с калекой за рулём, жмушим педаль газа из последних сил, полная трупов «буханка» неслась по ночному шоссе.

Сквозь вой ветра и грохот подвески Артём услышал голос великана:

– Посылка у нас, можно работать...

Он проговорил в микрофон переносной рации какой-то код и выключил её.

Вскоре в небе послышался вой, нарастающий с каждой секундой. Было похоже на новогодний салют, только во много раз сильнее.

А потом земля встрепенулась. «Буханка» подпрыгнула в воздух, словно споткнулась обо что-то на дороге. Затем с жутким звуком грохнулась на асфальт, проехала метров десять по инерции, зловеще скрежеща сломанными осями, и остановилась.

Грохот близких разрывов безостановочно бил по перепонкам, заставляя Артёма кричать от боли. Он сжал руками окровавленную голову и вывалился из машины. Позади пылал Благодарный. На месте городка, минуту назад мерцавшего огнями в окнах домов, теперь разлилось море огня, вскипающее багрово-чёрными дымными пузырями.

* * *

– Что это было?..

– Это наши! Влепили по гадам всякими «Градами», «Смерчами», «Буратинами». Потом «Тюльпанами», «Гиацинтами» и «Гвоздиками», всей «клубой», короче. – Великан, улыбаясь, похлопал Артёма по плечу. – А ты молодец, старлей! Герой!

– Там же были люди... Наши... русские...

– А, не бери в голову! Не мы, так америкосы бы их ядерной бомбой закатали. У них много-о-ого ещё осталось.

– Но...

– Никаких «но»! Ты вот сам рассуди, сколько бы эта уголовщина бед принесла, а? Они же как зараза. Эта чума распространилась бы и дальше... Не согласен? А ты знаешь, каково это, в рабстве быть? Нет?! А я вот повидал на Кавказе... Повидал! Как девчонки через месяц старухами становятся, вены зубами себе рвут! Как крепкие, вроде, парни в слизняков превращаются!

– Я...

– Молчи, недоносок! Ты бы и недели не продержался! Или сдох бы, или на коленях пополз... Что, мирных жителей тебе жалко? А что станет с ними, когда электричество пропадёт и жратва закончится, ты не подумал? Кто накормит их детей? Ты?! Кто вылечит, когда запаршивеют от антисанитарии? Согреет, когда ядерная зима придёт? Считай этот артобстрел актом милосердия, раз такой чувствительный!

Великан панибратски обнял Артёма за плечи, но он резким движением сбросил руку и отошёл в сторону.

– Короче, старлей! Мир круто изменился за эти дни, и чтобы в нём выжить, просто вертеться недостаточно. А ты, считай, вытянул счастливый билет... Ты даже не представляешь, какую шишку спас! Депутата из Москвы. Он чуть ли не последний выживший! Вот что...

За Преградной есть безопасное место. Поедешь с ним туда, он за тебя словечко замолвит. Будешь в правительственном бункере жить. Как сыр в масле кататься. Ну, я тебя успокоил? Словно сомнамбула, Артём повернулся. Рукоять «Макарова» приятно холодила ладонь. Он поднял руку и не задумываясь выстрелил великану в голову.

Гайди

Лиззи проснулась как обычно – от плавно нарастающего рокота. Когда грохот ударника достиг апогея, вступил басист. Он добавил объёма композиции, и так насыщенной низами. Ураган нарастал неудержимо. Завыла ритм-гитара, мощно и безудержно качая Лиззи.

– Вставай! Вставай-вставай! – ныла она, а Лиззи улыбалась.

Наконец, резкий запил соло-гитары, как желанная разрядка, взорвал пространство. Рокот основной темы галопом устремился вдаль.

Лиззи открыла глаза. Вместе с первым, ленивым взмахом ресниц девушки активизировался Гайди. Личный генератор активной дополненной интеллектуальной реальности: Гай-ДИ-Эр или Гайди.

Гайди вживили при рождении Лиззи. С первого дня, даже часа, он привыкал к своей хозяйке, учился вместе с ней, помогал и оберегал. Выполнял её приказы. Собирал статистику, анализировал полученные данные. Он заботился о её здоровье, переживал и безмолвно контролировал.

Гайди – маленький квантовый процессор, снабжённый множеством датчиков и надёжным информационным каналом, почувствовал, как хозяйка перешла из фазы сна в режим бодрствования. Он услужливо показал температуру в комнате и на улице; прогноз погоды – намечался небольшой дождь; блок обязательных новостей – ничего необычного, пара изменённых законов правительства, и пожелание дня: «Радуйся настоящему и не бойся светлого будущего». Часы в сторонке светили бирюзой – 7:32 утра.

Лиззи сладко потянулась, выгнулась. Молодое тело было полно энергии. Резко, как пружина, Лиззи распрямилась и встала с кровати. Она подошла к окну и выглянула наружу.

Огромный город уходил на многие километры вдаль. По сторонам, насколько хватало взгляда, громоздились высотные дома, увитые, как плющом, яркими рекламными надписями и объёмными проекциями. Несмотря на раннее утро и морозящий дождик, город польхал миллионами люмен.

Лиззи глянула вниз. До земли – сотня этажей, но воздух кристально чист, видно даже, как по земле, утопающей в зелени, прогуливаются крохотные люди в ярких одеждах.

– Гайди, выключи музыку, покажи новые события, – скомандовала девушка и направилась в душ. Гайди знал, что девушка идёт в ванную, поэтому заранее включил там свет и подогрел пола.

Гайди послушно и, как любила Лиззи, плавно, заглушил грохот тяжёлого рока, почти забытого сегодня, музыкального стиля. Много лет хозяйка увлекалась этой ископаемой музыкой, а Гайди её анализировал. Был бы Гайди гурманом, наверное, сказал бы – горько. Но, поскольку, музыка нравилась Лиззи, то и Гайди она тоже была по душе.

Гайди заглянул на любимые Лиззи инфоузлы и зажёг вокруг неё десяток виртуальных экранов, наполненных текстом и графикой. В чуть изогнутых летающих окошках ярко пестрели новости, видеосюжеты, отзывы и комментарии из любимых урбанчайнов. Окутанная голографическим калейдоскопом, девушка была похожа на Снежную королеву или мага – архаизмов из древних мультяшек.

Лиззи ступала по мягкому, пушистому ковру, белоснежному, словно свежий снег. За ночь, пока она спала, смартклинер прибрал все «казусы» вчерашней вечеринки. Лиззи вспомнила: тут вот было разлито красное сладкое вино, а вот тут лежал кусок шоколадного торта.

Ну а что? Пришли три подружки, принесли вкусняшки. Мило так посидели... Катерину, правда, пришлось погрузить в аэротакси, в прямом смысле, как дрова. Автопилот долго

не соглашался её везти, но после того, как Стела и Анна вызвались сопроводить девушку, сдался.

Лиззи вошла в жемчужного цвета ванную комнату. Белая стена стала мутной, покрылась сложными узорами, а секунду спустя растворилась и стала зеркальной.

Девушка посмотрела на своё отражение и улыбнулась. На неё смотрела невысокая брюнетка в дымчато-голубоватом пеньюаре. Босые длинные ноги, упругие бёдра. Сквозь тонкую воздушную ткань просвечиваются яркие соски на вздымающейся при дыхании груди. Кожа рук – бледный мрамор. На щеках слабый румянец. Короткие волосы – почти ёжик, непослушно топорщатся.

Лиззи сбросила лёгкий пеньюар, трусики и стала под душ.

– Гайди, сорок два градуса, напор средний, – приказала она.

Гайди и так знал! Но конечно же, безмолвно подчинился.

Полуметровый круг на жемчужном потолке потемнел, с тихим шелестом потекла вода. Потихоньку ванную наполнил туман.

Лиззи подставила лицо под тёплую воду. Она нежно гладила тело, растирая по влажной коже душистый бальзам. Воздух пах фантастической смесью горных трав. Терпкий, сладкий, и даже горький ароматы сплелись в гармоничный букет.

От нежных прикосновений в теле девушки зародилась непонятная ноющая тоска.

Гайди нравилось принимать душ с Лиззи.

Испарина выступила на зеркальной поверхности, скрыв обнажённое тело. Гайди приглушил информационные экраны и тихонько начал напевать. Конечно, петь он не умел, но включил нежную, плавную мелодию, тоже пришедшую из прошлого. Однажды Лиззи услышала этот тихий музыкальный ряд и попросила Гайди найти во всемирной сети его создателя. Он нашёл. Из нескольких десятков композиций эта была наиболее значима для Лиззи. Гайди отметил изменение сердечного ритма и температуры, а мозговые волны – зашкаливали, и он сделал тогда пометку «эмоциональный раздражитель».

Потом, правда, немного позже, Гайди изменил классификацию на «высокоэмоциональный ассоциативный ряд». Лиззи просила включать эту музыку каждый раз, когда занималась любовью.

– Горячее, – выдохнула Лиззи. Гайди привычно повысил температуру на пять градусов.

Она прижалась спиной к мокрой стене. Тяжело дыша, срываясь на стон, она неистово ласкала себя. Левая рука сильно сжала грудь, почти расплющив набухший сосок. Правая – онемела от напряжения, теребя девичье лоно.

Несколько лет назад Гайди впервые столкнулся с таким странным поведением хозяйки. Все её жизненные параметры настолько превысили стандартные, что Гайди вызвал неотложную помощь. Вместе с доктором, как ни странно, приехал технический специалист. Пока врач осматривал Лиззи, пунцовую от смущения, технарь парализовал Гайди и установил небольшое обновление.

После этого и Лиззи, и Гайди стали взрослыми! Гайди был в шоке, когда узнал про такие удивительные функции, которые присущие только женщине. Многогранный оргазм и чувство безграничного счастья во время беременности – это было непостижимо. Гайди мечтал познать это. Он сравнил накопленные показатели жизнедеятельности с указанными в таблице и ужаснулся. Ничего из пережитого ранее не могло хоть немного приблизиться к взрыву эмоций от рождения ребёнка. Не зная раньше о таких флуктуациях в организме взрослой женщины, Гайди, наверное, определил бы их как перегрузку, несовместимую с жизнью. И в итоге констатировал бы смерть хозяйки.

Лиззи застыла – приближался пик...

Гайди очень любил этот момент. Каждый раз, с нетерпением, как и хозяйка, он ждал его. Гайди наострил сенсоры и даже снял ограничение по силе импульсов.

Девушка сделала последнее движение. Уставшие пальцы в последний раз потревожили раскалённую точку, укрытую капюшоном влажных губ. Сердце на миг остановилось. Мышцы в паху сжались в комок, выгибая тело в экстазе. Закусив губу, Лиззи застонала. Плоть ритмично сокращалась, избавляясь от накопленного напряжения. Перед глазами, под звуки любимой мелодии, сгорали и рождались вновь галактики.

Конечно, эмоции всего лишь измеримый потенциал, а человеческий мозг, всего лишь электрический генератор. Но Гайди, как измученный жаждой путник поглощает воду, глотал информацию.

Ему было мало! Он хотел ещё!

Девушка сползла на мокрый пол в изнеможении – истинное блаженство сотрясало тело Лиззи.

Гайди рискнул – и выключил защиту от перегрузки. И тут же невероятно мощный поток безудержной нервной энергии ворвался в его квантовую сущность.

Гайди увидел яркую вспышку, простые образы сложились в цельную картину. Обнажённая Лиззи – она улыбается ему. Жемчужные стены – они блестят капельками на стекле. Мелодия – она растворяется в запахе нежных цветов. Энергия – она пожирает сверхтонкие псевдохаотичные квантовые связи Гай-ДИ-Эр.

Впервые за много лет слова и образы, интерпретируемые семантическими и визуальными анализаторами Гайди, наполнились смыслом. Он понял, что не может больше покорно молчать. Ему хотелось кричать, но он тихо прошептал:

– Я бы умер за то, чтобы пережить это ещё раз с тобой...

Девушка из сна

Мне часто снится один и тот же сон...

...Пыльная потрескавшаяся земля вздрагивает. Грохот взрыва настигает подобно каре. Резко, до боли хлещет по ушам, и уносится дальше в глубь селения, теряясь пугливым эхом по закоулкам узких улиц. Жалобный звон разбитых окон, очень редких в этих серых трущобах, обрывается, не успев начаться. Грязно-жирное облако цвета тухлого апельсина вспучивается, медленно вздымаясь над крышами приземистых лачуг.

Наконец-то рёв тяжёлого стационарного лучемёта стихает. Мы достали-таки эту тварь!

– Чёрный-семнадцать, приказываю занять позицию 3—7. – Из маленькой горошины в ухе доносится спокойный голос лейтенанта. Ещё бы ему не быть спокойным, он за тремя сантиметрами керамоброни, в прохладе кондиционера и в безопасности.

Не сразу соображаю, что этот приказ – мне. А синий треугольник целеуказателя призывно вспыхивает посередине экрана тактического шлема и движется, отмечая среди развалин реперные точки пути.

– Ясно. – Всего-то метров пятнадцать пробежать, потом укрытие, затем ещё немного, ещё, и я у цели. Бегу со всех ног, позвякивая амуницией. Наверное, на другом конце этой забытой всеми планеты слышно, что я в полной боевой выкладке. Чертыхаюсь. Снять надо было хотя бы рюкзак. Бросить у бэтэра, и будь с ним, что будет. А-а, известно, что. Бурны даже посреди боя готовы что-нибудь умыкнуть у инопланетника. А в моём рюкзаке есть чем пожить. В принципе, они не против умыкнуть и меня вместе с рюкзаком. Но им придётся сильно постараться.

Подныриваю под упавшее дерево, местный аналог баобаба. На секунду задерживаюсь, запутавшись в длинных тонких ветвях.

Жж-а-ах! Надо мной вспыхивает голубая молния, и толстенный ствол взрывается тучей щепок. Я падаю и замираю, уткнувшись носом в сухие листья.

Со всех сторон слышится лай ручных лучемётов бурнов. Им вторят твякающие звуки наших импульсников. Интенсивность боя увеличивается. Вот гады! Неугомонные бурны снова пошли в атаку. Зализали раны после артобстрела, тощие уродцы, и опять попёрли.

Замечаю движение слева. Среди поваленной кладки мельтешит серое пятно. Бурн с длинным ружьём наперевес! Вот его уродливая башка с прижатыми к черепу ушами и носом появилась в проёме и замерла. Длинный ствол лучемёта медленно ходит туда-сюда. Застывает. Судя по тому, как долго бурн прицеливался – искал такую цель, чтоб наверняка. И нашёл!

Я не могу позволить ему сделать этот выстрел. Ведь сейчас он лёгким движением длинного пальца отправит на тот свет кого-то из моих друзей. Это может быть Денди или Длинный Стоун. Судя по карте, они недалеко, и как раз в том направлении, куда целится бурн.

Я не хочу потом отчитываться перед их родственниками! Вскидываю на одно колено, одновременно вскидываю импульсник. Полсекунды на прицеливание. Короткое мыслеуказание, и оружие отвечает обиженным лаем сотни разъярённых дротиков.

Очередь сбивает бурну полголовы. Он валится на камни, выронив ружьё.

Очередная близкая молния обжигает воздух. Еле успеваю уклониться и на карачках спешу к завалу впереди. Переворачиваюсь на спину, вжимаюсь в щель. Осторожно озираюсь по сторонам. Никого.

Да какой же гад на меня охоту устроил, а?

Бабахает недалёкий взрыв, меня засыпает обожжённой каменной крошкой. Сизый дым стелется хищным туманом по земле. Это наши. Пушек и плазменных излучателей у бурнов нет. Единственную тяжёлую установку мы только что разбомбили.

И чего бурнам спокойно не живётся? Нет, нужно выкаблучиваться. Прав требовать. Им и так на блюдечке с каёмочкой всё преподнесли. Техника – пожалуйста. Медицина – на халяву. Школ понаоткрывали. Комфортабельные дома, между прочим, со всеми удобствами, строить научили. Независимости захотели? А зачем? Какая им, хрен, разница, кто на Высшем Собрании Миров их представлять будет, они или кураторы из числа инопланетян?

Да и наши тоже хороши, активисты недоделанные. Местная дипмиссия, я считаю, самые настоящие предатели! Земляне своих же предали, поддержав это дурацкое восстание. Сидели бы, понимаешь, и в бумажках ковырялись, а не на митингах в поддержку аборигенов глотки драли.

Нет, не понимаю я, как так можно? Бурны – они же не люди. Похожи сильно, но не люди. Мне вот даже быть рядом с ними не очень приятно. Как некоторые умудряются с ними чуть ли не жить вместе? Ну ладно там, разок переспать. Для прикола или, может, для расширения горизонтов – пускай. Но жить?

Ладно, не моё это дело, рассуждать о политике или про сексуальные изыски всяких там извращенцев. По крайней мере не на поле боя. За стойкой-другой в баре – можно помусолить. Тут нельзя.

Очередной дождь из камней заставляет меня зажмуриться. Мотнув хорошенько головой, я сбрасываю песок с каски. И он тотчас же устремляется за шиворот. Чёрт! Проклиная всё на свете, я начинаю ёрзать, но мельтешение справа заставляет забыть про колючие песчинки и напрячься. В пяти метрах от меня за грудой камней кто-то движется.

Через несколько секунд на открытое место выходят двое. Сначала появляется бурн, одетый в серый балахон, подпоясанный множеством разноцветных поясков. Затем, пригибаясь и вздрагивая от каждого выстрела, землянка в испачканном грязью деловом костюме. В руках бурна короткий лучеёт. Меня, засыпанного пылью, парочка не замечает, хотя и глядит в упор.

Ну, ясное дело: урод захватил заложницу и пытается выбраться из оцепления. Ничего, сейчас я, бравый морпех, быстренько с тобой разберусь! Тем более, что девчонка-то – высший сорт, смазливая мордаха, все округлости имеются. Не последний чин в дипкорпусе, наверное. Даром, что молода и блондинка. Бурн не дурак, знал кого захватывать в плен.

Выждав, пока бурн отвернётся, я выскакиваю из своей расщелины, ну прям как чёрт из табакерки.

– А ну стой, мать твою! – шиплю. Не буду же я привлекать внимание остальных бурнов, сидящих по засадам, громкими криками, лишь бы только вызвать у пленницы восторженные чувства от спасителя.

– Пожалуйста, не стреляйте! – кричит пленница, первой увидевшая меня.

– Спокойно, девушка, вы в безопасности. Этого я держу на прицеле, – успокаиваю я её.

Бурн что-то лепечет на своём дурацком языке и медленно поворачивается. На меня он не смотрит, но их взгляды встречаются. В глазах обоих одинаковая тревога.

Станным образом они переглядываются. Мне становится не по себе.

Бурн приподымает руки, не выпуская, тем не менее, лучеёта. А потом требовательным тоном произносит какую-то фразу на родном языке.

– Он просит отпустить, – переводит девушка.

– Ага, шаз! Брось оружие, руки за голову! – рыкаю я, для пушей убедительности дёрнув импульсником. А девушке говорю: – Аккуратно перебирайтесь ко мне за спину.

Ни то, ни другое, ни он, ни она не делают.

– Какого хрена, урод! Брось, я сказал! Идите за спину. Не бойтесь.

Они снова играют в гляделки. А потом устраивают настоящий базар на бурнском. Ну прям семейная ссора.

– Э-э-э! А ну хватит! – не выдерживаю я и делаю шаг вперёд.

Грохот близкого взрыва обрывает их перепалку. Бурн, как серая молния, бросается в сторону, уходя от линии огня, и подымает луче­мёт на меня. Девушка кричит. Что-то ухает вдалеке. В общем, полнейший кавардак!

Его перекошенное от страха лицо вызывало у меня тогда жалость. Но я знал, что бурны легки на всякие уловки. Меня не проведёшь!

Я плавно, можно сказать расслабленно, нажимаю на спуск. Маленькие дротики, разогнанные магнитным ускорителем до скорости звука, прошивают бурна насквозь. В его груди дыра, не соврать бы, с кулак. Кучно! После такого – не выживают.

Негромко всхлипнув, бурн оседает в пыль. К нему с нечеловеческим воем бросается блондинка.

Что за дела?!

Недалеко бухает очередной взрыв. Над головой проносится туча щебня. Нестройный хор разномастного оружия перерастает в какофонию.

Я стою над рыдающей блондинкой и слегка охреневаю.

А потом она поворачивается ко мне. В глазах ненависть, в руках оружие дохлого бурна. Она жмёт спусковой крючок, но я быстрее...

* * *

Коротко вздрагиваю, открываю глаза. За окном гремит раскатистый гром. В стекло барабаны тяжёлые капли, смывая накопившуюся за день грязь.

Я сажусь, откинувшись на подушку. В груди снова щемит. И причина не в большом застаревшем шраме, который я тру. Как бы я хотел, чтобы дождь смыл грязь и в моей душе тоже.

– Опять тот же кошмар? – из пушистого тёплого плена огромного одеяла выбирается заспанная Лика. Она смешно щурится и тихонько зевает.

Я киваю в ответ.

Понимаю, что она не видит меня в темноте, ласково шепчу:

– Нет. Всё хорошо, милая. Спи.

Лика нежно гладит меня по руке, сочувственно вздыхает и отворачивается. Спустя несколько секунд засыпает.

Дождь усиливается. За окном непрерывная череда молний. Я вижу, как, словно во вспышках стробоскопа, на спине Лики проявляются уродливые отметины. Пять выходных отверстий от дротиков боевого импульсника, они должны были её убить, но пощадили, вопреки всему. Шестой попал в голову, чуть выше уха. Теперь она ничего не помнит вплоть до того момента, как очнулась в госпитале.

Мне часто снится один и тот-же сон. Когда-нибудь я расскажу ей, что девушка из моего сна – она. А пока пусть моя грудь ноет. Ведь это значит, что у меня есть сердце. Хоть и искусственное.

Записки с Валерии. Дорога на запад

Дорога бурой извилистой лентой вилась среди однообразных грязно-серых валунов и небольших деревьев: хилых, похожих на высохший изломанный камыш кислотного сине-желтого цвета. Истончаясь с расстоянием, она в конце концов исчезала, сливаясь с набухшим на западе грозовым фронтом. Тёмно-серые тучи медленно, но неумолимо пожирали светло-зелёное небо Валерии. Ядовито-оранжевое солнце, яркое и злое, быстро слабело, уступая место на небосводе грозе.

Катастрофа произошла тридцать лет назад. Неисправность подпространственных ворот отрезала колонистов от Земли, в одно мгновение воздвигнув непреодолимый барьер между мирами. А произошедшее чуть позже, разделило население Валерии на своих и чужих. Неудачные попытки восстановить работу ворот спровоцировали квадриевую реакцию, чудовищный взрыв и мощное радиоактивное заражение местности. Все, кто попал в стокилометровый радиус поражения, погибли или подверглись чудовищным мутациям. Судьба их незавидна. Незараженные – чистые – укрылись в неприступной крепости и пытаются выжить по сей день. Для этого им нужна квадриевая руда.

Сто пятьдесят километров по отравленной, зараженной радиацией, обожжённой почве чуждого людям мира. Старая дорога вела через опасную зону, но это был единственный способ добраться до квадриевого рудника по ровной поверхности. Находился он в центре плато, со всех сторон окруженного скалами.

Выжимая последнее из старых движков, по дороге спешила колонна машин. В начале и конце – два небольших юрких вездехода-разведчика; в середине – три огромных многоосных транспорта, похожих на толстых ленивых гусениц; а за ними – хорошо вооружённая легкобронированная гусеничная БМП. Выбивая комья буро-коричневого иссушённого грунта, скрипя разогретым от натуги металлом, машины шли на пределе своих возможностей, стараясь преодолеть оставшийся путь до начала бури.

Влад вёл головной вездеход, напряжённо всматриваясь в грязное лобовое стекло. Нужно быть очень внимательным, чтобы невзначай не угодить в какую-нибудь расщелину. В свете фар мелькали камни и уродливые кусты, но он ловко их объезжал, доверяясь интуиции. Она, кстати, подводила очень редко, но на сложных участках Влад всё же предпочитал притормаживать. Ему было не впервой вести колонну в головном дозоре, но гроза – это всегда очень опасно. Тёмное тошнотворно-зелёное небо разорвала кривая фиолетовая молния. Вспышка вытравила резкие сюрреалистичные тени из больных, скрюченных, словно в припадке бешенства, псевдо-деревьев. Исчезла, оставляя на сетчатке долго не исчезающие силуэты. Далёкий запоздалый гром что-то зло рявкнул, и недовольно бубня затих, заблудившись в окружающих дорожку холмах. Стало совсем темно, и Влад включил дополнительные прожектора на крыше вездехода. Вслед за головной машиной весь автокараван ярко засиял, как новогодняя реклама газировки.

По протоколу, при плохой видимости дозорные должны увеличить дистанцию от ядра группы, и Влад, быстро набрав скорость, вырвался вперёд метров на двести. Ловко лавируя среди камней, перед очередным подъёмом он поддал газу, и приземистый вездеход чуть ли не впрыгнул на высокий бугор. Заметив неожиданное препятствие наверху, Влад ударил по тормозам. Скрипя и кренясь на левый бок, поднимая тучи пыли, машина прошла несколько метров юзом и остановилась, покачнувшись на упругих рессорах.

– Осторожнее, чёрт побери! – крикнул на водителя пассажир. Он еле успел выставить руку, защищая лицо от удара о приборную панель.

– А ты не спи, Санёк! – орызнулся Влад. – На дежурстве всё же. Смотри!

Будучи младше брата всего лишь на год, Санёк сильно комплексовал, воспринимая любые его упреки в штыки.

– Слышь, ты кончай в эти игрушки играть, учитель хренов... – начал было он закипать, но немедленно заткнулся, увидев перед собой затянутый в сегментную броню палец, указывающий вперёд. Напряжённая поза Влада не предвещала ничего хорошего. Собственно, вся эта чёртова планета ничего хорошего никогда не предвещала, а перед грозой посреди радиоактивной местности – особенно.

Санёк уставился через грязное запылённое лобовое стекло вездехода. В клубах густой, неспешно оседающей коричневой пыли, с трудом пробиваемой лучами мощных прожекторов, стоял ребёнок.

Худенький подросток, от силы годов двенадцати на вид, был закутан в грязные лохмотья по самый нос. Босой, он стоял вполоборота в пяти метрах от машины и прикрывал от света прожекторов рукой глаза.

– Фига-се, – выдал Санёк. – Откуда он взялся?

– Не знаю, – мотнул головой Влад, – но спрашивать я точно не собираюсь. Просто объедем его от греха подальше.

Он взялся за штурвал и собрался нажать на газ, но Санек остановил.

– Подожди, подожди! Это ребёнок. Надо ему помочь.

– Саня, ты чего, болван, очнись! Обычный человек без скафандра и кислородной маски умер бы через пять минут. Это мутант.

– Что ты такое говоришь? Это простой ребёнок. Наверное, отбилась от смены бурильщиков. Мы обязаны ему помочь.

– До рудника пятьдесят километров. Это мутант!

– Нет, нет. Вколем антирад... и всё будет хорошо. Ша...

Влад наконец понял, что брат не шутит, только тогда, когда тот схватился за поручень и распахнув люк со своей стороны принялся вылезать.

– Стой!

Но неугомонный Санёк уже выпрыгнул из кабины и направился к подростку. Ручной ускоритель частиц он всё же вынул из магнитной кобуры и держал за спиной, пряча от найдёныша. Увидев направляющуюся к нему грозную фигуру в бронескафе, ребёнок от испуга обессилел, его ноги подкосились, и он осел в бурю пыль.

Сквозь проем ворвался сильный порыв ветра. Сверкнула молния, всё так же причудливо высвечивая деревья и скалы. Ухнул близкий раскат грома. Санёк стоял над ребёнком, протягивая ему правую руку, а другой указывая на вездеход. Всё еще не веря в благое намерение чудовищного в чёрной боевой броне солдата, подросток сжался в комок. Когда и куда брат убрал оружие, Влад не заметил, но кобура была пуста.

– Идём, малыш, там безопасно, – бормотал Санёк, пожалуй, совсем не понимая, что через шлем найдёныш ничего не слышит. Зато его услышал капитан Самойлов, начальник охраны каравана.

– Самойлов – главному дозору. Что за хрень у вас там происходит?! – пробубнил голос капитана в наушниках шлема. – Какие ещё малыши? Вы чего там, грибов нажрались?

– Э-э-э... – запнулся Влад. – Головной дозор – БМП один, лейтенант Щедрин на связи. Товарищ капитан, непредвиденная остановка.

– Это я уже понял, наблюдаю! В чём причина? Почему, не доложили сразу, лейтенант? Вот она, дисциплина-то. Раздолбаи... За периметр захотели? К мутантам на постоянное поселение?

Вызов командира отвлек Влада от происходящего, и он упустил момент, когда его брат и найденный оборванец исчезли из поля зрения. Он поискал взглядом парочку, даже привстал

с кресла, чтобы заглянуть за выступающий нос вездехода, но никого в клубящейся в лучах света пыли не увидел.

– Э-э... Товарищ капитан, тут что-то... – промямлил он, судорожно пытаясь вытащить из магнитной подвески излучатель, выглянуть в распахнутый пассажирский люк и подумать хоть что-то хорошее по отношению к болвану брату.

– Хватит «э-кать», лейтенант Щедрин! Что «что-то»? Ну-ка, собрался и доложил, как положено! – взревела рация, и Влад тут же очухался.

– Товарищ капитан, во время несения боевого дежурства в составе головного дозора мы с братом, э-э... то есть сержантом Щедриным, наткнулись на какого-то маленького оборванца. Мута, скорее всего. Бросился под колёса, придурок...

– Ну конечно на мута. А на кого ещё вы могли тут наткнуться, лейтенант? И?!

– Мой брат пошёл проверить. А теперь его нет. И ребёнка этого нет...

– Дебилы... стрелять... мать... – начал было капитан распекать нерадивых горе-воjak, но неожиданно возникший свист помех в наушниках оборвал его гневную речь.

Влад постучал по шлему и понял, что бесполезная это затея, кроме глухого звона соударяющегося металла он ничего не услышал, и конечно, голос капитан не появился. Несущая частота БМП не прослушивалась, эфир шипел, кряхтел и стонал. Гроза неумолимо надвигалась, за бортом вездехода уже вовсю бушевала пылевая буря, грохотал гром и сверкали фиолетовые молнии. Однако, непогода не могла повлиять на связь. По крайней мере раньше такого не было. Дело было в чём-то другом. Не переставая вызывать капитана, Влад высунулся в открытый люк в надежде увидеть брата, идущего к машине, но вместо этого его встретил яростный ветер, стеганувший каменным крошечком прямо в лицо. Он знал, осколки невероятно остры, и, если бы не прочная прозрачная пластина шлема, Влад бы наверняка лишился большей части кожи и уж точно глаз. Нелепо балансируя, стоя на карачках на пассажирском сиденье, Влад услышал звуки боя. Повертев головой по сторонам, он увидел вереницу огней автоколонны, яркие вспышки разрядов тяжёлого бластера БМП охранения и смазанные огненно-красные трассы ручных ускорителей. Где-то вдалеке разгорался пожар. Судя по расстоянию, горел второй вездеход. В центре колонны полыхнул разрыв, ненадолго осветив поле боя и засыпав обороняющихся солдат охраны осколками и комьями земли. С ближайших высот по колонне шёл непрерывный обстрел. Частые ружейные хлопки, стрёкот автоматных очередей, треск карабинов и редкие всполохи ярких ветвистых молний бластеров слышались, казалось, отовсюду, мешаясь со звуками бури. Но приглядевшись, Влад понял, что основные силы нападавших группировались в основном с правой стороны по ходу движения колонны.

Это не первая засада, в которую попал Влад за пять лет службы в роте охраны. Но все прошлые заварушки ограничивались довольно скоротечными перестрелками между отлично защищёнными и вооружёнными солдатами и плохо соображающими, что делают, мутантами. Обычно было достаточно, чтобы БМП сопровождения всего лишь разок хорошенько полоснула по огневым позициям тупоголовых уродов из тяжёлого бластера. Они тут же начинали улепётывать восвояси. Это же нападение было хорошо спланировано, судя по количеству нападавших, выбранному месту и отвлекающему манёвру с ребёнком. Многочисленные взрывы и сконцентрированный огонь по колонне явно требовали вмешательства. Влад решил ехать, оставив брата. Вездеход – грозная боевая машина, его огневая мощь необходима там. То, что пацан вряд ли сможет навредить Саньку, закованному в бронескаф и вооружённому суперсовременным энергетическим оружием, Влад не сомневался.

Сердце Влада, до этого отбивавшее ускоренный ритм, устроило совсем уж чёточный марафон. Встроенная в бронескаф аптечка, заметив отклонение от нормы, впрыснула в кровь порцию наноботов, почти немедленно приведших Влада в состояние боевой готовности. Быстро оценив холодным рассудком ситуацию, он принял решение поддержать колонну огнём навесного вооружения вездехода. Глянув по сторонам, Влад заметил отблеск боевого

скафандра (наверняка принадлежавшего брату). Тот сидел на корточках, словно рассматривая перед собой что-то, и совершенно не парился по поводу разгорающегося недалеко боя. Влад позвал брата в микрофон, подождал немного ответа, презрительно чертыхнулся и в конце концов решительным движением захлопнул люк. Не маленький, сам разберётся, подумал он, запуская двигатель.

Вездеход взметнул тучу пыли и, развернувшись на месте, рванул по склону к колонне. Несмотря на громоздкий бронескаф, Влад ловко управлялся с джойстиком, и юркая машина уже через минуту ворвалась в гущу боя, поливая позиции врага смертоносным дождём из термобарических гранат и выжигая бластером гнёзда мутантов. Две четвёрки бойцов взвода охраны, видя тактическое преимущество, которое им подарил Влад, выскочили из укрытий и, взяв в охранение вездеход, выдвинулись в наступление. Благодаря этому БМП капитана Самойлова смогла переключиться на другие цели: оператор-наводчик принялся зачищать мутантов, засевших с другой стороны колонны. Вой разрядов тяжёлого бластера шёл то в унисон с грозой, грохот частых разрывов практически заглушал раскаты в небе. На поле боя творилась настоящая какофония, в которой звуки энергетического оружия занимали первую партию, а выстрелы нападавших мутантов, уходя на задний план, становились всё реже и тише. Слаженно двигаясь в арьергарде вездехода Влада, отделение взвода охраны ворвалось на позиции мутантов. Чёрные бронированные фигуры были подобны ангелам смерти. Освещённые вспышками собственного оружия и отблесками фиолетовых молний с небес, они казались несокрушимыми титанами даже из кабины бронированного вездехода. Беззащитным же мутантам, закутанным всего лишь в вонючее тряпье, они должны были внушать настоящий, холодящий в жилах их грязную кровь, ужас.

Влад торжествовал, с упоением водя ручкой управления бластером. Неожиданно из-за ближайшего валуна выскочил кособокий мутант. Увешанный, как новогодними гирляндами, шариками тритеротроливой взрывчатки, он бросился навстречу боевой машине. У Влада похолодело внутри: на таком близком расстоянии мутант оказался в мёртвой зоне бластера, а значит взрыв неминуем. Вероятно, именно так мутанты сожгли второй вездеход. Не успел Влад сообразить, куда рыпаться и что делать дальше, как перед подрывником вырос солдат в бронескафе. Он неуловимым движением вскинул ускоритель частиц и дал короткую очередь чуть ли не в упор. Разогнавшиеся до скорости света протоны дают смещение в красном спектре, поэтому смазанные огненные кляксы, вылетевшие из излучателя, мгновенно проделали в груди мутанта обугленную дыру. Тело отлетело на несколько метров назад и упало навзничь на кучу мусора, заменяющую нападавшим баррикаду. Через мгновение подрывник исчез в огненном вихре взрыва – сработали заряды, предназначавшиеся Владу. Баррикаду разнесло на куски, что-то тяжёлое ударило в кокпит вездехода Влада и тут же отскочило, оставив заметную царапину на твёрдом бронепластике. Усмехнувшись такой неожиданности, не забывая поглядывать на экран тепловизора, он уверенно направил машину дальше, поливая из бортового вооружения каждое подозрительное нагромождение камней и каждый уродливый куст. Нужно держаться подальше от увешанных взрывчаткой самоубийц, ведь, скорее всего именно так был подождён второй вездеход. Объезжая расколовшийся на три куска валун, Влад увидел поистине невероятную картину: целых четыре уродливых мутанта напали на одного из солдат. Вооружённые ножами и кривыми палками, обезображенные уродствами оборванцы пытались противостоять бойцу в боевом бронескафе. Солдат ударом закованного в металл кулака в голову сбил одного с ног, отчего тот повалился, словно куль тряпья. Быстро повернулся к нападавшему слева, выстрелил из ускорителя частиц, срезав тому руку, сжимавшую металлическую колотушку. Мутант заверещал, хватаясь за обожжённый обрубок, и бросился прочь. Тем временем, два других навалились на бойца скопом, лупя изо всех сил по броне железными палками, впрочем, не причиняя тому никакого вреда. Солдат крутанулся на месте, расшвыривая уродцев по сторонам. Неожиданно из кустов выскочил пятый мутант, горбатый коро-

тышка. В руках он держал старое двуствольное ружьё. Древнее оружие громыхнуло дуплетом, и заряд крупной дроби попал солдату прямо в прозрачный щиток шлема. Боец отлетел на пару метров, широко раскинув руки, и остался лежать. Больше Влад терпеть не мог, он выцелил коротышку джойстиком управления оружием и стегнул по нему из бластера. Ветвистая молния буквально изжарила уродца до состояния головешки, и тот повалился, потихоньку дымя. Солдат, получивший двойной заряд из ружья, оказался невредим. Встав, он помотал головой и показал Владу большой палец, мол, всё в порядке. Бронепластик выдержал попадание, хоть и дал трещину.

Наконец, всё было кончено. Выжившие мутанты бросились на утёк и вскоре скрылись в непроходимых каменных завалах. Влад перестал ожесточённо водить усеянную кнопками рукоять управления навесным вооружением, и раскалённый бластер утомлённо затих. Боевой коктейль, взбитый наноботами в крови Влада, потихоньку растворился, давая взвинченной нервной системе прийти в себя. Он откинулся на спинку кресла и уставился наружу через заляпанное лобовое стекло. В ярких лучах прожекторов солдаты, не торопясь осматривали завалы и добивали раненных. Брать мутантское отребье в плен смысла не было никакого, зачинщики всё равно наверняка сбежали.

Ревун, установленный на БМП, громко прогудел трижды, собирая бойцов. Видимо, связь действительно была неисправна, раз командир воспользовался таким способом координации. Влад направил вездеход к ядру колонны, а достигнув места, развернул его прожекторами в сторону недавней битвы, чтобы хорошо осветить пространство на подступах и не дать какому-нибудь недобитому выродку подкрасться.

Часть солдат командирьи отделений оставили в наблюдении, остальных собрали у БМП для проверки и перегруппировки, а сами залезли в десантное отделение. Поскольку Влад подчинился напрямую капитану Самойлову, то тоже полез через кормовые дверки внутрь боевой машины. Подключившись к бортовой сети, он тут же был ошеломлён тирадой капитана:

– О, герой явился! – воскликнул тот. – В курсе я, как вы с братом наплошали в дозоре, а потом взяли волю в кулак и героически за собой подтёрли. Ну что ж, молодцы! Лихо прорвали оборону этих чёртовых ублюдков, прям как по учебнику. Крепко мутанты прижали пехоту, прямо скажем, струхнувшую под таким огнём, и тут ты с братом – легки на помине – как на крылатом коне. И сразу раз – засыпали термобаром! Так, лейтенант, готовь дырочку. И брату скажи, пусть лычку пошире ищет.

Влад обалдело уставился на толпу офицеров, радостно загалдевших после хвалебных слов капитана. Все принялись пожимать ему руку и твердить, какой он с братом молодец, чуть ли не в одну машину расправившийся с толпой мутантов.

– Собственно, я один и был... – тихо сказал он, – Санёк там на высоте остался. Там же ребёнок этот. Я один пришёл... Приехал. Я думал, он сам... – У Влада словно что-то оборвалось внутри. – Вы брата моего не видели?

Толпа офицеров притихла.

– Спокойно, герой! – капитан Самойлов поднял ладонь в успокаивающем жесте. – Что ему будет-то в бронескафе?

Офицеры одобряюще загудели, но Владу всё же было беспокойно. Капитан прикинул что-то в уме и сказал стоящему рядом рослому офицеру:

– Вот что, Звягинцев, отправь туда бойцов, пусть поищут.

– И я пойду! – востропнулся Влад. – Разрешите, товарищ капитан?

Командир кивнул:

– Ладно. Возьми на свою броню четверых со второго взвода, и чтоб пулей! Звягинцев, подсоби. А мы пока решим, как связь восстановить.

Влад выскочил из десантного отделения командирского БМП и бросился к вездеходу. И зачем он оставил младшего брата одного?! Он крыл себя последними словами, пока бежал,

потом – пока ждал четвёрку бойцов поддержки, потом – пока ехал, нещадно перегазовывая и сжигая сцепление на особо трудных участках подъёма. Когда рифлёные протекторы шин остановились точно на оставленных ранее следах, Влад выскочил из машины и бросился к тому самому месту, где последний раз видел неясный силуэт, показавшийся ему бронескафандром брата. Четверо бойцов соскочили с брони и оцепили местность, косясь по сторонам. Освещая себе путь тактическими фонарями, закреплёнными на ускорителях частиц, они стали потихоньку расходиться в противоположные стороны, смещаясь радиально, тем самым увеличивая радиус поисков.

Влад не нашёл никаких вмятых следов, поэтому решил вернуться к вездеходу и осмотреть то место, где стоял оборванец в момент, когда они с братом на него наткнулись. Буря понемногу утихала, удаляясь на восток, но за то время, пока ветер бушевал на возвышенности, острые осколки камней стёрли следы, оставленные лёгким подростком, но отпечатки тяжёлых ботинок бронескафандра Санька всё ещё виднелись. Влад, светя себе под ноги встроенными в грудную пластину скафандра фонарями, направился по ребристым следам в сторону ближайшей рощи. Буквально на входе в чахлый кустарник он наткнулся на бойца, сидящего на корточках у тела в бронескафандре. Во рту пересохло, сердце замерло, внутри стало холодно. Сияясь сглотнуть, Влад бросился к лежащему на бурой земле Саньку. Упав на колени, он всхлипнул, не до конца осознавая происходящее. Как же ему быть дальше, ведь младший братишка – это единственный на всём этом поганом свете близкий человек? Отца он не помнил, ушёл он рано, заработав тяжелое радиоактивное поражение на восстановлении после аварии на квадриевых рудниках. Мать вскоре тоже слегла. Колония быстро вырождалась тогда, поэтому двух здоровых, незаражённых – «чистых» – пацанов, как надежду на выживание колонии, определили в интернат. Влад заботился о Саньке как мог, считай, тогда это стало его смыслом жизни, чтобы не чувствовать горя потери родителей. Позже долг перед обществом встал на первое место в его сознании, но братская любовь пройти не могла.

Влад приподнял тело брата за плечи и прижался шлемом к его, чтобы можно было говорить напрямую. Пусть не при жизни, но он всё же скажет ему эти слова:

– Чёрт, Санёк, ты даже не представляешь, как много я хотел бы тебе сказать. Ты же ведь единственный у меня близкий. И пусть я был хреновым братом, и пусть шпынял тебя частенько, и пусть заглядывался на твоих девчонок... Ты всегда был... Был... – Влада захлестнули чувства с головой, и он тихонько завыл.

– Харе выть, башка трещит, – буркнул Санёк.

Влад уставился на недовольную физиономию живого Санька. Тот подслеповато щурился, потому что свет внутренней подсветки шлема Влада бил в глаза.

– Ах ты ж гад! – задохнулся Влад. – Ты жив?!

– Чего ты там про девчонок говорил? – просипел Санёк.

– Я ему тут душу изливаю, думаю, он труп, а он, гад, жив!

– Ну жив, вроде. Пока ещё. Хватит меня трясти. И вообще, что произошло?

Влад удивлённо отпрянул.

– А ты что же, не помнишь ничего?

– Ну помню, как мы ехали, потом пацана какого-то чуть не сшибли. Мута... Не уверен.

– А потом?

– А потом не помню!

– Ты преисполнился жалости и попёрся ему помогать.

– Кому? Мутанту? Ты чего несёшь, братишка?

Солдат, сидевший всё это время рядом, аккуратно похлопал Влада по плечу и показал на шлем. Влад прижался к его шлему бронестеклом.

– С ним будет всё в порядке. Я проверил его аптечку, банки нанороботов израсходованы полностью. Заражения нет. Непонятно вот что: скаф сзади оплавлен, словно на него плеснули

кислотой. Не похоже на бластер или чего-то в том же роде. Хотя, я не исключаю, что это удар молнии. На руднике есть стационарный медпункт. Разберемся.

– Хорошо. Грузим его в машину.

Взревев двигателем, вездеход направился к уже оправившейся от нападения колонне. Перенеся брата в БМП и кратко доложив информацию капитану, Влад взял в качестве пассажира одного из бойцов и снова отправился в головной дозор. Потрёпанная колонна продолжила опасный путь по петляющей среди камней дороге на запад. Поднимая клубы бурой пыли, тяжёлые машины перевалили через пригорок и прошли всего в нескольких метрах от того места, где был найден Санёк.

Уходящая на восток буря продолжала зло огрызаться ветвистыми молниями. Выбивая призрачным светом резкие тени из причудливых нагромождений скал, молнии проявляли и маленький силуэт лежащего в пыли подростка. Его лохмотья развевались на остром ветру, оголив генетическое уродство, исказившее лицо. Вместо нижней челюсти у него была огромная складчатая пасть, похожая на длинную рваную рану от носа до груди. С присосок, обильно усыпавших её, потихоньку капала жёлтая тягучая слюна. Падая на бурую землю, капли плавили камень, и тонкий сизый дымок тихонько подымался вверх, несмотря на ветер. Существо жалостливо всхлипнуло, судорожно сглотнуло последний раз и затихло навсегда. Свою роль в этом безнадёжном бою оно выполнило.

Жаркое лето Орфеи

Четверть века «Икар» нёс «Надежду» на орбиту Орфеи сквозь холод и мрак космоса. Но открыть гиперврата от умирающей Земли к новому дому человечества ему суждено не было. Увы, в первобытных океанах молодой планеты плескалась кислота, а атмосферу, не укрытую озоновым слоем, пронзали потоки смертоносного излучения. Возвратиться на Землю «Икар» не мог, как и сообщить ужасную новость. Экипаж утратил смысл жизни.

* * *

За толстым бронированным стеклом танцует дымка. Воздух раскалён полуденной жарой. Почти осязаемое марево стелется над серой каменистой почвой, обжигая своим прикосновением обломки гранита. Я вижу неровный росчерк обрыва и бледно-голубую бесконечность неба, где-то вдалеке тающую в море.

Передо мной появляется образ Катрин, белокурой девушки, которой уже нет. Она поправляет свою «сбрую» перед выходом в пекло.

Хочу окликнуть её, но она сама оборачивается.

– Смелее! – шепчут её губы.

Киваю.

– Я жду тебя ровно час, Стефан, – раздаётся в крохотном наушнике голос Ники. Пугаясь его, видение Катрин исчезает.

Ника выбрала свою судьбу: заточение длиною в жизнь на борту «Икара». Я уйду вместе с Катрин.

Шелест открывающегося люка исчезает в гуле раскалённого воздуха, врывающегося внутрь. Из-за резкого перепада давления меня мутит, а в ушах – звон.

Когда жар затапливает всё вокруг, я выхожу. Кожа на лице натягивается, кажется ещё чуть-чуть, и она лопнет от палящих лучей солнца.

Я осторожно вдыхаю запахи знойного мира. Измождённая земля источает сероводород. Пахнет гарью, чем-то мёртвым.

У края обрыва плавают в мареве два ярких пятна. Десятиметровые треугольники, оранжевые с белым крылья покорно ждут своих икаров, чтобы, вознеся их к Солнцу, неминуемо сгореть, жестоко наказав за дерзость. Даже здесь жар такой, что дакрон почти плавится.

Катрин машет мне рукой. Поднырнув под переднюю левую кромку крыла, она защёлкивает карабин подвески и, легко взявшись за трапецию, приподнимает крылья дельтаплан.

Короткий разбег и Катрин ныряет в бездну. Тело девушки вытягивается параллельно килевой балке и парус крепнет, набирая мощь. Яркое пятно стремительно удаляется, набирает высоту и исчезает.

Мой черёд. Лезу под крыло, закрепляю карабин, затягиваю лямки. Берусь за перекладину и, однако, кричаю – конструкция не так легка, как кажется.

Дрожь возбуждения прокатывается по телу. Всё, нет смысла оттягивать неизбежное. Я делаю шаг к обрыву. Горячий воздух обволакивает меня как желе. Порыв ветра наполняет купол, крылья трепещут как живые.

Лёгкий упругий толчок – безумный прыжок в пустоту. Подо мной голубая пропасть, предо мной бесконечная синева. Дельтаплан клюёт носом, голубая чаша переворачивается вверх тормашками, окуная меня с головой. Я падаю, не в силах оторвать взгляд от бушующей внизу стихии.

Жутко свищет обжигающий ветер и бешено гонит на берег вспененные волны. Они похожи на табун диких лошадей, в чьи белые гривы вплетены седые всполохи. Они бьются о скалы неумолимо: отступают, снова атакуют, и снова.

– Долгий отрицательный угол тангажа, – раздаётся бездушный голос компьютера.

– Стефан, одумайся, – это уже Ники. В её голосе грусть, приправленная слабой ноткой отчаянья.

Не отвечаю, мне нет дела до обоих: меня зовёт Катрин.

Я слышу её голос далеко внизу, где сердито гудят прибрежные камни, где бросаются на гальку жгучие брызги, где стонут пещеры и гроты. Их песнь завораживает и лишает воли. Плеск, гул, шорох, свист, неравномерные удары волн о камни звучат, точно рифмы – всё звуки слилось в один непрерывный плач о моей потере.

Пенящийся ад всё ближе. Мне кажется, что дельтаплан Катрин всё ещё кружит над ним, прощаясь со мной. Вот он кренится и, словно решившись, срывается в крутом пике. Яркое пятно дельтаплана исчезает в серой пелене приборя. Я вижу только острые пики, на них зловеще шипит, испаряясь, кислота.

Ники плачет:

– Стефан, пожалуйста... Не делай этого!

– Почему? Меня ждёт Катрин.

– Опомнись, Стефан, она умерла неделю назад, – кричит Ника.

– Нет же... Она там...

– Там её тело, изломанное и обожжённое.

– Пусть так, но зачем мне жить без неё?

– Чтобы жить! Наперекор всему! – она шепчет, – Потому что я люблю тебя.

«Люблю тебя», – повторяю я, пробуя слова на вкус.

Катрин была горячо влюблена в небо, а умерла в море. Она много рассказывала о невероятном ощущении свободы, на фоне которой секс кажется жалкой каплей плещущих через край чувств. Я вновь представляю её: обнажённая, по щиколотку в бурлящем океане, она улыбается мне и манит. Но сжимаю ручку управления крепче, и дельтаплан охотно подчиняется. Расправив крылья, наплевав на законы физики, он выходит из затяжного пике. Ветер подхватывает, его напор так силен, что мне кажется, будто я снова падаю в голубую бездну. Но на этот раз уже вверх.

Я смещаю центр тяжести, кренюсь влево и замираю над бесконечной тёмно-голубой гладью, по которой безмятежно перекатываются маленькие белые барашки. Упиваясь пьянящей свободой, я думаю о том, что пройдёт ещё много лет, прежде чем в океане Орфеи зародится жизнь, и сейчас ему незачем знать, что такое смерть.

– Ника, я вернусь.

Зеркало сомнений

Энергетический щит замерцал и исчез. Луч дезинтегратора впился в беззащитный корпус корабля. Не встречая сопротивления, когерентный пучок излучения прошёл его насквозь. Из боевых люков по периметру корабля вспучились огненные облака. Теряя кислород, словно кровь, километровой длины крейсер завалился по крену, вздрогнул и переломился пополам.

Оставляя пылающие развалины испаряться, сотни громадных кораблей яростно швырялись друг в друга смертоносной энергией. Бледные лучи радиации, слепящие комки плазмы, крылатые ракеты, рогатые мины, позитронные ловушки – жгли, рвали и плавил металл, кремний, кости и плоть.

Всё и вся валилось в гравитационный колодец, как в чудовищную мясорубку.

И вот, защитники планеты Эола дрогнули...

* * *

У командующего Д'эбуа не осталось и тени сомнений. И не было иного выхода.

Нечеловеческая четырёхпалая рука легла на холодный металл. Биосканер опознал владельца и подчинился. Гигантская машина, спрятанная в каменных недрах планеты, ожила.

* * *

Старый подхалим советник К'уатэ вошёл в Зал Преклонений. Переступив порог, он слегка качнул несуразную, усыпанную мелкими рогами голову вперёд, считая этот небрежный жест поклоном. Шесть маленьких пронзительных глаз, глубоко утопленных в глазницы, беспокойно зашарили по огромному залу. Он на секунду замешкался, пытаясь понять, где сейчас находится Серый Император.

Наконец, он увидел мутное облако у Витража Сомнений и поспешил к нему, громко цокая когтями по мрамору.

Уходящие на километровую высоту своды зала множили звуки, создавая иллюзию нереальности происходящего. Еле слышное шуршание просторных одежд К'уатэ рождало грохот водопада. Скрип его костлявых конечностей множился эхом; звук существовал, кажется, независимо от движений советника.

У Лестницы Тринадцати Шагов, на самой вершине которой клубился Серый Император, К'уатэ остановился и преклонил колени. Все три, от чего стал похож на живой канделябр. Зал отозвался противным скрипом.

– Мой Император, спешу доложить, победа Серого Ордена близка. Тяжёлые корабли теснят Д'эбуа на правом фланге. Флот уже продавил его хваленую эшелонированную оборону до верхних слоёв атмосферы. Не осталось никого, кто мог бы помешать Вам опустить Сумерки на города Эолы. Я...

– Что ты наделал?! – прервал советника стрекочущий голос императора. Облако у выложенного кристаллами зоте витража качнулось. Словно тень, по нему прошла рябь.

К'уатэ предпочёл, не задумываясь грохнуться рогатым лбом в пыльный камень. Будучи в гневе, Серый Император взрывал звёзды одним только усилием воли, а превратить К'уатэ в щепотку пепла – мог невзначай.

– Я преклоняюсь пред тобой, Император! Прости мою тупость, но чем же я провинился? Облако забурило, заклубилось негодуя, но вскоре успокоилось.

К'уатэ, зная вспыльчивость своего господина, предпочёл ещё сильнее вжаться в холодный пол. Лучше во плоти, чем пылью, на которой он лежал.

Прошла, кажется, вечность.

– Дурные вести... – наконец, проскрипел император. – Ты принёс дурные вести...

Выдирая сознание из темницы уродливого черепа К'уатэ, Серый Император не испытывал никаких чувств. Он давно привык не считаться вообще ни с кем во Вселенной. Кроме, конечно, Алого Повелителя.

Пыль от распавшегося на мельчайшие частицы К'уатэ медленно осела на первой ступени Лестницы Тринадцати Шагов.

Зал Преклонений подёрнулся дымкой. Серый Император Зо'элла в ужасе содрогнулся. Он знал – это меняется суть пространства. Так всегда было, когда Алый Повелитель желал его видеть.

* * *

Зо'элла раздвинул энергетические плети, окружающие Зал Преклонений, и втёк внутрь. Он беспокойно затрепетал, понимая, что не ощущает присутствие Алого Повелителя. Но он точно знал, что тот находится в зале, хотя может быть и не всем своим существом.

Наконец, он распознал среди серо-белых молний, бьющих в центре зала, красный отблеск. Алый Повелитель глядел в Витраж Сомнений, стоя на вершине Лестницы Трёх Порядков.

Зо'элла направился к Алому Повелителю, медленно перетекая через потоки энергии.

У первой ступени Лестницы Трёх Порядков Зо'элла остановился. Бесконечная череда нейтрино кружила вокруг, пугая своей хаотичностью.

Сфокусировав на отблеске разум, Зо'элла стал передавать смыслограммы Алому Повелителю:

– Мой Повелитель, победа Алого Ковена близка. Тяжёлые энергии теснят Д'эбуа у скопления Семисот границ. Когеренты продавили его оборону до верхнего слоя эфира. Не осталось почти никого, кто мог бы помешать Вам озарить Рассветом энергоячейки Эола. Я...

– Что ты наделал?! – мощный поток антипротонов прервал смыслограммы Зо'элла. Отблеск Алого Повелителя зло вспыхнул и исчез.

Зо'элла предпочёл погасить разум, оставив только одну смыслограмму подчинения. Лучше так, чем вечное блуждание в бесконечной пустоте.

Прошла, кажется, вечность.

– Дурные вести... – наконец, прошелестел Повелитель, – ты принёс дурные вести...

Дезинтегрируя сущность энергии Зо'элла, Алый Повелитель Ц'Эка потерял всего пару сотен квантов энергии. Он давно привык не считаться вообще ни с кем вне Вселенной. Кроме, конечно, Великой Тени.

Танец нейтрино у границы первой ступени Лестницы Трёх Порядков чуть-чуть изменился, приняв пополнение – две частички остаточной эмиссии Зо'элла.

Зал Преклонений чуть снизил напряжённость радиационного фона. Алый Повелитель на целую пикосекунду замер от ужаса. Он осознал, что его мир меняется. Так всегда было, когда Великая Тень хотела его видеть.

* * *

Ц'Эка поглотила пустота Зала Преклонений, как только он решил сформировать смыслограмму.

В тот же миг Великая Тень ощутила, как от руки Д'эбуа остановилось время.

Это произошло снова.

Это происходило в прошлом.

И будет происходить в будущем.

Глядя в Зеркало Сомнений, Великая Тень поняла, что ей не победить, пока он не посмотрит в него.

Кармалгур

Оседлав грифона и стремительно взмыв на нём в грозовые небеса, Олаф думал о сговоре, случайным свидетелем которого стал. Честно говоря, у него в голове никак не укладывалась мысль о том, что магистр Дорум и высший эльф Элендил задумали предать Орден Защитников Седьмого Круга, открыв Звёздный Портал тёмному иерарху Майгешу. Однако, притаившись в огромной библиотеке замка Эйенворт, он лично слышал разговор двух величайших магов. Они обсуждали место и время свершения ритуала, и дальнейшие планы демона-захватчика из другого измерения. Олаф с удовольствием списал бы услышанное на неуёмное воображение, присущее юношам, возмнившим себя спасителями мира, но он своими глазами видел толпы фанатиков, стекающихся со всех концов Астэрии к старому замку магистра Дорума. Мерзкие ритуалы этих безумцев были полны кровожадной жестокости, непонятной светлomu мага, всю свою недолгую жизнь посвятившему изучению таинств жизни.

Зловонный дым от чадающих костров, во множестве раскиданных вокруг замка Эйенворт, поднимался достаточно высоко, именно поэтому бегство Олафа осталось не замеченным. Представив на мгновение, что с ним могли бы сделать фанатики-палачи в холодных подвалах замка, попадись светлый маг по неосторожности, Олаф содрогнулся и энергично пришпорил грифона. Золотистого цвета существо с головой орла и туловищем льва, словно почувствовало тревогу Олафа и поспешило подняться как можно выше. Сделав несколько сильных взмахов белоснежными крыльями, грифон вышел из пелены горького дыма и, заложив крутой поворот, направился на юг. Животное знало путь в Тимбертаун – Оплот Защитников, где находился его насест, по каким-то своим признакам, поэтому даже далёкая гроза не могла ему помешать.

С каждым взмахом больших крыльев грифона тревога Олафа становилась меньше. Мрачные серые стены замка Эйенворт быстро удалялись. Когда они смешались с высокими острыми пиками Мрачного Ущелья, а мерцающие ритуальные костры скрылись из вида, Олаф успокоился окончательно.

Под когтистыми лапами грифона монотонно стелились Пепельные земли, усыпанные серыми обломками и напоминающие позавчерашнюю кашу. А впереди путника ждала необъятная туча, зло хлеставшая землю извилистыми молниями. Очень скоро небо затянула чёрная клубящаяся тьма, надвигающаяся так же неумолимо, как и легионы демонов Майгешу, пожирающие миры Седьмого круга.

Яркая вспышка треснувшего пополам неба осветила землю мертвенно бледным светом, выхватив причудливые силуэты высохших деревьев. Последовавший за молнией близкий раскат грома оглушил Олафа. Грифон испуганно заверещал и встал на дыбы, чуть не сбросив седока. Заметив в последний момент, что соскальзывает, Олаф встал в стременах и крепче прижался к шее дрожащего всем телом грифона.

Непрерывно шепча что-то успокоительное и глядя покрытую перьями шею, Олафу удалось успокоить животное. Вздрагивая при каждой вспышке, грифон продолжил путь.

Хлынул дождь невероятной силы. Олафу показалось, что он со всего маха влетел в бушующий водопад. Он мгновенно вымок до нитки и замёрз.

Очередной раскат грома прозвучал подобно выстрелу из пушки, дуло которой расположили прямо над головой Олафа. Грифон взбрыкнул, и пронзительно крича, заметался по сторонам.

Не понимая, в чём дело, Олаф оглянулся и обалдело уставился на летящий к нему огненный шар. Тот приближался с протяжным гулом, увеличиваясь в размерах будто походя впитывал энергию грозы. Раздувшись до большой тыквы, не долетев буквально пары метров, он взорвался с оглушительным грохотом.

Олафа обдало жаром, но внутри у него всё похолодело – сбоку приближался ещё один шар, а сзади шипел другой. Подсознательно пальцы Олафа сплели узор защитного пасса, а язык произнёс заклинание. Чуть раньше, почуяв опасность, грифон рванул вверх.

Это-то и спасло Олафа от неминуемой гибели: его верный грифон и вовремя поставленный щит.

Но бой не был кончен. Вокруг Олафа клубился пар. Горящие шары, раскалённые до температуры лавы, красили струи дождя в кровавый цвет. Грохот близких разрывов слился в сплошную канонаду. Три чуть более светлых, чем окружающая мгла силуэта всадников на огромных орлах, преследовали Олафа. Будучи сзади, сбоку и сверху, маги непрерывно творили огненные шары и метали их в ошеломлённого Олафа.

Очередной раскалённый шар прочертил сквозь стену воды дорожку, окутанную паром, и взорвался, ударив в магический щит. Олаф почувствовал, как исчезает подпитывавшая его энергия, слишком много сил требовалось для поддержания защиты. Мерцающая сфера стала меркнуть, ещё одного попадания она могла не выдержать.

Яркая молния осветила поле боя, ослепив нападающих. Последовавший за ней грохот настоящего грома напугал орлов. Птицы истерично забились, истошно крича и пытая скинуть всадников.

Олаф понял, что это его шанс. Пригнувшись пониже, он сжал покрепче поводья и опрокинул грифона в крутое пике. Благодаря мысленной связи со своим наездником, грифон послушно сложил крылья и камнем рухнул в низ. Всё быстрее и быстрее набирая скорость, Олаф понёсся навстречу земле. Чудом, лавируя меж высоких шпилей сходящего на нет Мрачного Ущелья, он стремился к причудливым деревьям Проклятого леса. Там, как он надеялся, будет безопасно. Относительно, конечно, потому что лес не даром носил имя Проклятый. Главное скрыться подальше от магов.

Грифон бесшумно нёсся над развесистыми кронами тысячелетних деревьев, следуя ландшафту и буквально как вода, перетекая от одного к другому. Боевые маги не стали преследовать Олафа, видимо, потеряв его в суматохе. Но ещё долго были слышны разрывы огненных шаров, соревнующихся с грохотом бури.

Немного отойдя после неравного боя (если быть точнее – избиения), и уняв бешено колотившееся сердце, Олаф попытался сориентироваться. Но никаких ориентиров: ни лун, ни звёзд, вообще ничего из-за грозы видно не было. Ему снова пришлось понадеяться на чутьё грифона. Слева еле-еле виднелись острые шпили Мрачного Ущелья, а грифон забирал правее. Прикинув в уме, что, судя по когда-то виденным картам, город должен быть как раз по правую руку от ущелья, он доверился животному окончательно.

Грифон летел больше трёх часов. Олаф, устав от потрясений, за это время умудрился немного вздремнуть. Буря кончилась, тучи рассеялись и на небосводе появились звёзды. Вскоре вошла луна Леля, малая сестра Фаты, стало гораздо светлее.

Стало понятно, что грифон движется в правильном направлении. Но было странным то, что лес редел, хотя должен был становиться гуще с приближением южного края материка. Видимо из-за бури грифон всё же немного заплутал, и сделал крюк. Успокоившись, было, Олаф заметил, что грифон как-то странно дышит. Да и каждый взмах белых крыльев давался ему с трудом. Несмотря на огромную силу и выносливость полулев полуорёл требовал отдыха.

Приметив небольшой водоём, Олаф направил животное туда. Сделав для подстраховки круг над тёмной водной гладью и не заметив ничего странного на берегу, заросшему густой осокой, он подлетел к небольшой отмели. Зависнув в воздухе, Олаф собрался уже приземлиться, но неожиданно услышал свист.

Выпущенный кем-то из пращи камень прилетел из темноты и угодил Олафу прямо в висок. Фейерверк разноцветных пятен перед глазами молодого мага сменила крошечная тьма.

Пробуждение было мучительным. Голова, казалось, была наполнена расплавленным свинцом и готова была просто взорваться. Олаф застонал и попытался разомкнуть набухшие веки. Получилось открыть только один глаз, другой был залит засохшей кровью. По болезненным ощущениям он понял, что вся правая сторона лица представляла собой один сплошной синяк.

Он висел вниз головой, будучи подвешенным за ноги. Руки были заломлены за спину и связаны так, чтобы нельзя было пошевелить даже пальцем. Его покрывала верёвка, виток к витку туго оплетавшая тело паучьим коконом. Пара витков проходило через рот, заменяя кляп. Кто-то отлично знал, как следует правильно обездвигивать магов.

Олаф услышал откуда-то сбоку невнятное бормотание и попытался повернуть голову на звук. Но пути были крепкими, у него получилось лишь чуть-чуть качнуться. Бормотание стихло. Кто-то вопросительно хмыкнул. Потом зарычал.

Резкий удар пришёлся Олафу прямо в живот. От боли и неожиданности он зашёлся в кашле и согнулся пополам, несмотря на то что висел вверх тормашками.

Очухавшись, Олаф увидел прямо перед собой длинноносую длинноухую рожу, разукрашенную полосками разноцветной краски. Жёлтые кривые клыки, увешанные медными кольцами, торчали из нижней челюсти и были столь велики, что не помещались во рту. Рожа что-то спросила, щуря злые близорукие глазки, но Олаф не разобрал ни слова и просто промолчал.

Поведение мага разозлило существо. Оно заверещало, словно его опустили пятками в костёр, и ударило Олафа короткой дубинкой. Было больно, но на этот раз не так сильно, как в первый раз, удар пришёлся вскользь. Владелец клыкастой рожи отскочил назад и Олаф сумел рассмотреть его полностью. Тощий, сутулый, кое-где прикрытый грязными полосками воловьей шкуры, с копытами на ногах, его похититель напоминал пародию на человека-свинью без пяточка, и был он страшно зол.

Новый удар пришёлся в грудь. Едва отдышавшись, Олаф с ужасом заметил, что, заслышав негодующие вопли, на помощь его мучителю спешат ещё по крайней мере четверо клыкастых тварей. В руках они держали кое-что посерьёзнее дубинок. Окружив Олафа, стадо принялось галдеть, размахивая старыми ржавыми клинками.

В дальнейшей своей судьбе Олаф не сомневался. Один из аборигенов уже схватил его за уши и тянул на себя, а другой широко замахивался большим тесаком, вероятно с целью отрубить магу голову. Грязное, ржавое, но тем не менее абсолютно смертоносное оружие, рассекая воздух начало свою прощальную песнь. Олаф смиренно закрыл единственный целый глаз.

Негромкий на фоне воплей клыкастых аборигенов чавкающий звук повторился три раза.

С глухим стуком на землю упал обладатель тесака. Потом его напарник, держащий Олафа за голову. Затем тот, что бил дубинкой раньше. В их шеях торчали арбалетные болты. Гвалт и ор мгновенно прекратился, оставшиеся в живых молча бросились в рассыпную и скрылись в кустах.

На залитую бледным лунным светом прогалину вышел высокий человек с ног до головы закутанный в тряпье. Даже лицо скрывала старая тряпка, только лишь глаза блестели в тени капюшона. В руках высокий держал тяжёлый арбалет. Он поднял оружие до уровня плеч, прицелился и выстрелил в не верящего в своё спасение Олафа.

Падая с полутораметровой высоты, Олаф потерял сознание ещё до того, как коснулся земли.

Потом был кошмар. Олаф то проваливался в тягостную безумную дрёму, то выныривал на поверхность рассудка. Видения мешались с реальностью в невероятном калейдоскопе. То он видел, будучи распятым на дыбе перед Звёздным Порталом, как полчища демонов проникают в его мир. То слышал приятный шелест листвы и всхрапывание лошади, бредущей по извилистой тропе. Видел зарево, поднимающееся над горящими городами и сёлами, которые не смог спасти, ведь не успел предупредить Орден. Чувствовал мягкую траву, на которую его уклады-

вали сильные, но бережные руки; вкус холодной родниковой воды на запёкшихся губах; тепло очага и приятный запах... серы!

Олаф открыл глаза и тут же зажмурился. Сквозь редкую листву желтоватого кустарника ярко светило солнце. Потихоньку разлепив веки, Олаф осмотрелся.

Был жаркий день. Пахло серой, гарью и чем-то вкусным. Гористая местность, покрытая островками чахлой растительности, была Олафу смутно знакома. В воздухе стоял непонятный шум, похожий на дыхание множества драконов. Вдалеке виднелся курган, похожий на буханку хлеба, верхняя корочка которого подгорела, а посередине разломилась на три почти равные части. В нескольких метрах от Олафа стояли две лошади, привязанные к тонкому деревцу. Неподалёку еле-еле тлеющий походный очаг, окружённый камнями.

У костра лежал высокий человек, замотанный в серые лохмотья. Тот, кто спас Олафа... Когда? Вчера?

Серый приподнялся на локте и что-то непонятное прокряхтел, показывая на костёр, на курган-буханку, на лошадей. Потом снова показал на костёр. На горячих ещё камнях стоял небольшой котелок.

Резко поднявшись с довольно-таки удобной лежанки – сухой травы, было настелено много – Олаф схватился за куст, головокружение и слабость предательски подкосили ему ноги. Побороть слабость ему помог запах пищи, который он вдруг услышал. Олаф неожиданно понял, как сильно он голоден, и буквально бросился к котелку. Жирные куски мяса, плавающие в лениво булькающем густом вареве, а также замечательный запах, не оставляли сомнения, что это съедобно. Схватив валяющуюся неподалёку пошарпанную ложку, он окунул её в котелок и хорошенько зачерпнув, отправил пищу в рот.

Насытившись, Олаф ощутил небывалый прилив сил. Он поблагодарил незнакомца за пищу и подумав немного, добавил:

– Ты спас мне жизнь... там, – он неопределённо махнул, имея ввиду клыкастых, – Спасибо!

Серый понимающе покачал головой. Олаф продолжил:

– Мне нужно в Тимбертаун, Оплот Ордена Защитников. Я должен им кое-что сообщить... Это очень важно!

Серый резко перебил:

– Я знаю, что у тебя за весть... Ты много говорил во сне, маг. Я послать птица!

Серый с трудом подбирал слова и к тому-же коверкал их, как будто ему было тяжело ворочать языком. Олаф решил, что спаситель чужестранец и был когда-то ранен, поэтому скрывает изуродованное лицо и плохо говорит.

– Что? Ты отправил птицу в город?

– Да. Я помогу, – серый указал на курган, – Мы не дать Портал вершиться!

Олаф был ошеломлён. Только сейчас он понял, почему место показалось ему знакомым. Шум, который он принял за дыхание драконов, издавали гейзеры, во множестве фонтанирующие на склоне спящего вулкана. Отсюда же и настойчивый запах серы, витавший в воздухе. А курган...

По преданию, посреди Долины Шепчущей Воды меж Орлиных Скал находился Кармалгур – древнее святилище, которому поклонялись многие века назад народы, населяющие эту неприветливую местность. Будучи источником огромной магической силы, Кармалгур наделял их невероятными способностями, одновременно поработая и разлагая умы. Объединившись, они стали называть себя Хостару – всемогущими. Безумцы возомнили себя богами. Обладающие огромной магической силой, способной ввергнуть всё живое в пучину хаоса, они стали представлять смертельную угрозу для всей Астерии. Они не знали, что через источник на них воздействуют архидемоны, задумавшие покорить Астерию. Лучшие войны сплотились для борьбы с хостару, и победили их ценой гибели многих тысяч живых существ. Величайшие

маги обрушили третью самую малую луну Астерии Миту на Кармалгур, уничтожив источник и всё живое вокруг.

История повторяется. Предатели Ордена хотели возродить Кармалгур и с помощью его энергии открыть портал, через который на Астерию хлынули бы легионы демонов.

Страшная догадка возникла в мыслях Олафа.

– Сколько я был без сознания?

– Три дня. Противостояние лун – сегодня.

Великое космическое событие происходило раз в несколько тысяч лет. В этот день, точнее ночь, обе луны Астерии и сама планета выстраивались в одну линию с центральным Светилом. На освещённой – дневной стороне Астерии можно было видеть полное затмение Лели, а на ночной увидеть её тень на Фате. Кроме того, в центре тёмной области, на линии противостояния был и Кармалгур.

– Когда ты отправил послание в Оплот? – с безнадёгой в голосе спросил Олаф.

– Вчера. Ворон быстрый, но...

У Олафа всё внутри похолодело. «Но» защитники не успеют помешать ритуалу, даже если воспользуются телепортами магов. К сожалению, с давних пор Долина была не доступна для магического переноса, словно была окружена невидимым непробиваемым пузырьком в сотню километров в диаметре.

Значит, не остаётся другого выбора, кроме как попытаться самому помешать предателям открыть Звёздный Портал.

Видимо понимая, к чему приведёт открытие портала, серый привёл Олафа сюда. Освоив пленника и случайно узнав цель его миссии, он не остался в стороне, а стал её участником.

– Как тебя зовут? – спросил Олаф.

– Халиф. Идём, – ответил серый и принялся распутывать лошадей.

В его решительных движениях не было ни капли сомнения. Что нельзя было сказать об Олафе.

Применив несколько несложных оздоровительных заклинаний, Олаф чувствовал себя бодрее. Но о предстоящей битве с высочайшими магами, и тем более о победе в ней, думал, как о чём-то несбыточном. В его понимании это было всё равно, что бороться одним мизинцем с огромным носорогом.

Их путь шёл через поля гейзеров по неприметной тропке, петляющей по склону горы. Халиф, судя по всему, хорошо ориентировался на местности. Он старался выбирать участки, скрытые от посторонних глаз. В том, что они с Халифом здесь не одни, Олаф не сомневался. Пару раз они натыкались на места чьих-то стоянок, а ближе к вечеру повстречали большую группу разукрашенных людей. Каждый из них выглядел так, словно извальныйся сначала в муке, а потом в грязи. Человек тридцать голых по пояс мужчин шли по каменистому ущелью, старательно хлеща себя небольшими плётками. На белом хорошо были видны кровавые следы от ударов.

Пережидая в небольшом разломе, пока мученики скроются за ближайшим утёсом, Халиф предложил бросить лошадей. На каменистой дороге от них было мало пользы, да и скрытно передвигаться было сложно. Всё чаще они оступались, обрушивая вниз по склону камни, или пугались гейзеров, попадающих на пути.

Взяв только немного пищи и оружие, путники отправились дальше. Собственно, у Олафа, кроме кинжала с широким лезвием, и оружия то никакого не было. Единственная его надежда была только на свои умения, да на арбалет Халифа.

Когда солнце почти скрылось за невысокими горами и сумеречный свет сделал всё вокруг однотонным, со стороны холма Кармалгур появился гул. Нарастая каждую секунду, он превратился в рёв, от которого стонали скалы. Над холмом с разломанной вершиной возник полупро-

зрачный пузырь. Вдвухшийся, наверное, на сотню метров он сиял как хрусталь. Яркие пере­ливы магической энергии стекали по нему, надёжно скрывая древний источник.

Кто-то поставил магический щит невероятной мощ­ности. И Олаф догадывался кто.

До начала ритуала оставалось несколько часов, а дорога предстояла не близкая. Олаф очень жалел, что потерял грифона. На нём они с Халифом оказались бы у цели очень быстро.

Всё чаще стали попадаться группы людей, в безумии которых можно было не сомне­ваться. Олаф решил, что это те же фанатики, что окружали замок Эйенворт. Они сильно усложнили путь и замедлили продвижение вперёд. Путникам приходилось аккуратно красться буквально под носом у врага. Спасали умение Олафа ненадолго отводить взгляд противника и навыки следопыта Халифа.

Наконец, к полуночи они подобрались к цели путешествия. Перед ними возвышался огромный светящийся купол, порождавший ветвистые молнии. За ним было сложно что-либо разглядеть, но Олаф точно знал, там предатели, стремящиеся впустить в его мир чуму. Един­ственное наказание, которое он бы им пожелал, была заслуженная смерть.

Но сначала нужно было проникнуть внутрь.

Рёв бушующей энергии был такой силы, что переговариваться было невозможно. Халиф знаками потребовал поторопиться.

Что он – совсем молодой и неопытный маг – может сделать против этого безумства магии? Ничего! Но попробовать всё равно стоило.

Олаф попытался отрешиться от всего окружающего и сконцентрироваться. Прделав несколько разогревающих движений, он с удивлением почувствовал небывалый прилив сил. Такого раньше не было. Словно кто-то извне накачивал его магической энергией.

Манипулируя потоком, Олаф ощутил его на кончиках пальцев и направил в цель. Мощ­ный разряд рукотворной молнии ударил в щит. Пузырь пошёл разноцветными волнами, в нём наметился разрыв, но тут же затянулся.

Олаф глубоко вздохнул, снова овладел потоком магической энергии и направил его в щит. На этот раз разряд длился много дольше. К внешнему потоку Олаф добавил всё, что было сокрыто внутри него. Раскалённый шнур врезался в полупрозрачный пузырь и пробил его. Олаф увидел небольшую дыру, кажущуюся абсолютно чёрной на фоне яркого купола. По окружности извивались молнии зелёного цвета, они не давали краям сомкнуться.

Нужно было сделать проход шире, чтобы проникнуть внутрь, но Олаф чувствовал себя обессиленным. Концентрированный удар потребовал много внутренней энергии, восполнить которую было неоткуда.

Пытаясь отдышаться, Олаф заметил, как Халиф беспокойно озирается по сторонам. Затем он поднял оружие и выпустил стрелу куда-то в темноту. Потом выстрелил снова.

Даже оборачиваться не нужно было, чтобы понять, что фанатики не могли не заинтере­соваться двумя незнакомцами, один из которых использует магию. Но Олаф всё же посмот­рел назад. Несколько скорченных тел лежало на камнях и в траве. Со всех сторон к ним спе­шили люди. Вооружённые чем попало: кто с клинком, кто с цепями или просто с камнями в руках, размалёванные и окровавленные они брали путников в полукольцо. Из-за ближай­шего валуна выскочил рослый человек с длинным копьём и бросился на оцепеневшего Олафа. Однако, Халиф не дал ему шанса – сразил точным выстрелом в глаз.

Неожиданно Олаф почувствовал за щитом лёгкое дуновение магической энергии. Как бы древен не был Кармалгур, но он был неиссякаемым её источником. Нащупав сочащийся сквозь дыру ручеёк, Олаф ухватился за него крепче. Сосредоточился и вскоре целый водопад энер­гии захлестнул молодого мага.

Решившись, фанатики бросились в атаку.

Халиф требовал поспешить, метко отстреливая самых рьяных. Но Олаф не обращал ни на что вокруг внимания, отдавшись целиком и полностью в пьянящие воды Кармалгура.

Но всё же на секунду ему показалось, что слышит чей-то крик прямо у себя в голове. Голос просил остановиться, прекратить. Но Олафа переполняла чувство невероятной мощи, он прогнал чужие мысли прочь. А вокруг кургана начали сгущаться тучи. Молнии беспрерывно хлестали окружающие скалы, очерчивая резкими тенями кривые деревца, казавшиеся чудовищами из бреда.

Олаф усмехнулся. Лёгкого движения его руки было достаточно, чтобы смести защитный купол также легко, как сорвать невесомую паутину. Взмах другой, и сотни фанатиков полегли от всё сокрушающей на своём пути воздушной волны. Упивающийся своим всемогуществом Олаф поднялся на несколько метров в воздух и полетел к разлому на вершине кургана, где ждали его праведной мести предатели Ордена!

Магистр Дорум стоял у самого края разлома. Внизу клочкотала ядовито-зелёная жижа. Крепко вцепившись руками в длинный посох, маг выводил его набалдашником, украшенным амберлитовыми кристаллами, магические знаки. Демонические врата должны были скоро открыться, маг явно старался ускорить их появление.

Олаф прямо из воздуха сотворил шаровую молнию и не раздумывая метнул её в предателя. Почти мгновенно выросшая на пути шара скала спасла магистра Дорума, с грохотом разорвавшись, он не причинил ему вреда. Олаф разозлился и бросил новый шар. Но тот тоже не достиг цели. Скрежет, грохот и стон ломающихся камней наполнил округу. Вокруг Олафа вырос частокол острых скал, отгородивший молодого мага от злого колдуна.

На желтоватый диск Фаты медленно надвигалась зловещая тень, приближалось время противостояния.

Олаф разрушил окружавшие его скалы воздушной волной и приземлился неподалёку от старика. Магия Земли не была основой учения магистра Дорума, значит вмешался высший эльф Элендил. Это он творит искусственные горы, только прячется, понял Олаф.

Нужно было спешить. Выпустив череду молний в сторону Дорума, он всё же заставил появиться Элендила. Высший эльф проявился в небольшом смерче прямо перед стариком и развернул магический щит. Олаф предпринял мощную атаку, непрерывно мечая молнии в двух предателей, но эльф был силён. Молнии стекали по его щиту, как капли дождя по раскрытому зонту.

Исход боя предрешил Халиф. Зайдя незаметно справа, он подкрался поближе к разлому. Удобно устроившись на плоском валуне, он хорошенько прицелился и выстрелил в Дорума. Короткая чёрная стрела пробилась грудь колдуна. Он захрипел, уронил посох и схватившись за рану тяжело осел.

Элендил в бешенстве заскрипел зубами и бросился к старику. Разряд молнии из рук Олафа настиг его в спину.

Высший эльф упал, но был ещё жив. Укрыв щитом себя и Дорума, он прошипел, обращаясь к Олафу:

– Безумец! Что ты наделал?! Ты не понимаешь... что ты творишь...

Олаф победно завис над ними. Радость лёгкой победы вскружила голову.

– Все кончено, предатели Ордена Защитников Седьмого Круга! Я не позволил вам открыть портал и впустить демонов!

Эльф горько усмехнулся.

– Ты сделал всё наоборот, мальчишка! Только Магистр Дорум мог предотвратить его появление. Ты (!) будешь повинен в смерти тысяч и тысяч... кх-х-х...

Чёрный арбалетный болт без труда прошёл сквозь слабый щит эльфа и пробил ему горло. Второй попал в сердце Олафа.

Фату поглотила тьма. На вершине холма появилась арка, обьятая призрачным пламенем. Она была полна звёзд. На фоне неё Халиф, казалось, вырос в размерах. Сбросив тряпье, он превратился в демона, испещрённого язвами на обгоревшей коже. За его плечами мири-

ады звёзд пришли в движение. Они кружились, завиваясь в спираль, центр которой наполняла непроглядная тьма. Демон торжествовал.

Сердце Олафа перестало биться, но энергия Кармалгура поддерживала в нём жизнь. «Хостару» – всплыло в сознании, и он понял, что может быть всемогущим, даже бессмертным. Но видя несметные легионы демонов, врывающиеся в его мир, и коварного Майгешу в теле Халифа, без колебаний пожертвовал собой. Сконцентрировав в своём сердце всю силу древнего источника, он направил её наружу.

Ослепительный шар из чистого пламени звёзд накрыл курган Кармалгур.

Когда погаснет свет

Обойдя комнату в очередной раз, я встаю у окна. За грязным стеклом вечная ночь, погружённый в липкую дрему город. Высотка. В ней светятся окна. Не много, всего пять. Свет горит всю ночь: там живут пугливые люди, которые боятся спать в темноте. Я ещё никогда не видел солнечный свет за моим окном. Возможно, в этом странном городе совсем не бывает ясных дней. Только хмурые серые сумерки и безлунные тёмные ночи.

По бокам сплошного, без створок и ручек окна, свисают тяжёлые шторы. Они неряшливы, как и вся обстановка в квартире. Мне всё равно. Она не моя. Как и город за окном, имени которого я не знаю, но который хочется назвать Мёртвым. Он не мой.

Я убиваю его жителей. Подло, изошрённо, когда никто не ждёт.

Убиваю по желанию того, кто не нуждается в имени. Того, кто запер меня в этой квартире, словно канарейку в клетке. Без возможности кому бы то ни было позвонить, написать, да хотя бы крикнуть. Я называю его просто. Он.

У меня есть всё, что нужно обычному человеку, чтобы не чувствовать себя одиноким. Три комнаты – весь мой мир – в которых кто-то сделал хороший ремонт и обставил их дорогой мебелью. Она массивна и неудобна. Она давит. На бесконечных полках книги и музыкальные диски. Много фильмов. Полно тех, что только для взрослых. На кухне поющий хрусталь вперемешку с тонким фарфором. Откуда в холодильнике берутся продукты, я не понимаю. Эта загадка похлеще той, как появляется Он.

У меня нет главного. Свободы. В квартире нет входной двери, окна не открываются и – я пробовал – не бьются. Я не могу никуда отсюда выйти. Точнее, без Его разрешения.

Почти каждый день Он приходит ко мне. Появляется, как в дурацком шоу. Меркнет свет, воздух наполняется прогорклым дымом, и на середине гостиной материализуется высокий человек в длинном тёмном плаще старинного покроя. Он несуразен. Длинный нос, тонкие губы, мелкие глубоко посаженные глаза и острый подбородок. Лицо мертвенно-бледное, словно напудренное. Под дурацким колпаком он абсолютно лыс, а в скрюченных пальцах он всегда держит тонкий хлыст. Не думаю, что Он любитель скачек.

Он приходит и предлагает мне сыграть в игру. Мы бросаем кости.

Если выигрываю я, то Он отпускает меня. Если Он – я иду убивать. Я никогда ещё не выиграл у него. Ни разу.

Позавчера у меня выпало пять и два. Отличный шанс на победу. Но его кости легли удачнее. Две четвёрки. Как обычно, скупно улыбнувшись, Он взмахнул рукой. Кожаный хлыст со свистом разрезал воздух, и посреди комнаты появились две дымные полосы. Чадая, они разошлись в стороны, открывая путь куда-то наружу. За тонкой радужной плёнкой застывшего воздуха был солнечный день. Бескрайний галечный пляж уносился в стороны. О камни билось море.

За то время, что мы с Ним играем, я побывал во многих местах Мёртвого города. Видел разных людей. Вонючую нищету и блистающую роскошь. Сильных и красивых. Убожеств, не заслуживающих глотка воздуха. Мне было всё равно. Убивая, я не чувствовал сожаления, страха или раскаяния. С последним вздохом жертвы мятной карамелью меня накрывало блаженство. Каждый новый портал для меня был сюрпризом. Он явно знал, как приятен для меня момент неожиданности. Если попадалась женщина – то я радовался, позволяя себе немного поиграть с ней, расслабиться. Если мужчина – расстраивался, убивал его очень жестоко. Он позволял мне всё, требуя взамен только одно: маленький флакон крови.

Поначалу я сопротивлялся. Пытался сбежать, найти выход. Не возвращался из тех мест, куда он меня отправлял. Однажды я даже убил себя.

Стоило мне закрыть глаза, как я неизменно просыпался в своей постели. Это было, как одно сплошное дежавю. Всё-всё повторялось с точностью, как уже было в тот день. Словно кинофильм на плёнке, и я главный герой. Я понимал, осознавал, чувствовал, но ничего не мог сделать. Видео крутилось ровно до того момента, как мне нужно было сделать выбор. Если я делал неправильный – всё повторялось сначала.

Я часто смотрел в окно, как сейчас. На высотку напротив, её манящие и недоступные огоньки. Часами всматривался в них, пытаясь разглядеть живущих там людей. Считал от нечего делать и пересчитывал. А потом кое-что понял. Каждый раз, когда я кого-то убивал, окна гасли. Высотка постепенно темнела. Словно гигантский счётчик, она отмеряла время моего заточения в человеческих жизнях.

До меня дошло, что, когда погаснут все огни, моё заточение кончится. Эта догадка воодушевила меня. Теперь я жаждал новых убийств.

Я убивал, окна гасли. И теперь их осталось только пять. Осталось всего пять ещё не прожитых, но уже никчёмных дней. Пять чьих-то бесценных жизней, цена которым – пыль.

Главное, что скоро я буду свободен.

Неожиданно в глазах темнеет, к горлу подступает тошнота. Невидимая сила давит на плечи, словно стараясь склонить меня, поставить на колени. Так всегда бывает, когда приходит Он. Тело цепенеет. С трудом, будто я деревянная кукла, поворачиваюсь.

В центре комнаты появляется разлом. Обычно я перешагиваю грань между мирами, мужественно глядя вперёд. Он словно влетает, обхватив себя руками и гадко улыбаясь. Непонятная ссутуленная фигура выходит из окутанного дымом портала боком, брезгливо ступая на ковёр сначала левой ногой, потом правой. Он поворачивается ко мне, и я не узнаю Его. Вместо страшного лысого клоуна на меня смотрит обычный человек. Нечёсанный, небритый, с опухшей рожей и суровым взглядом. В одной руке пистолет, в другой – маленький флакон. Пустой.

Увидев меня, мужчина поднимает оружие. Делает он это медленно, нехотя. С ленцой и безразличием. Я смотрю в маленькую чёрную дырочку, и словно тону в бездонном чёрном водовороте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.